

ИСПАНСКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ЭПИГРАММА

ИСПАНСКАЯ МАССИВНАЯ ЭПИГРАММА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА • 1970

ИСПАНСКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ЭПИГРАММА

Перевод с испанского
В. ВАСИЛЬЕВА

Предисловие

Е. Эткинда

Редакция переводов

Ю. Корнеева

Комментарии

В. Васильева

Художник

М. Шемякин

СИЛА ЭПИГРАММЫ

Пушкин сравнивал эпиграмму с булавкой, которой коллекционер-естествоиспытатель прикрепляет к листу картона насекомых — божьих коровок, жуков, пауков и букашек:

Опрятно за стеклом и в рамах
Они, пронзенные насквозь,
Рядком торчат на эпиграммах.

Здесь булавка выполняет двойную задачу: пронзая паука насквозь, она его убивает. В то же время она увековечивает врага, выставленного напоказ: враг становится экспонатом своеобразной выставки. «...какая сортировка!» — восклицает Пушкин.

Эпиграмма — это еще и нечто вроде мулеты, которой тореро приводит в кровавую ярость быка на арене цирка.

Приятно дерзкой эпиграммой
Взбесить оплошного врага...

Это и зеркало, в котором ослепленный бешенством враг узнает свои черты, по глупости выдавая себя окружающим.

Эпиграмма, попавшая в цель, смертоносна, как пуля. Пушкин ставит рядом сочинителя эпиграммы и дуэлянта: приятно, говорит он, заклеить врага эпиграммой, особенно если враг сам в этом зеркале узнает себя. «Еще приятнее в молчанье // Ему готовить честный гроб // И тихо целить в бледный лоб // На благородном расстоянии...» Эта строфа из «Онегина» кончается, впрочем, выводом о том, что физическое уничтожение врага принести радости не может: «...отослать его к отцам // Едва ль приятно будет вам». А вот моральное его уничтожение дает поэту-бойцу высшее счастье торжества.

И даже определяя разницу между возможностями прозаика и поэта, Пушкин говорит, скорее всего, именно об эпиграмме:

О чем, прозаик, ты хлопочешь?
Давай мне мысль какую хочешь:
Ее с конца я завожрю,
Летучей рифмой оперю,
Вложу на тетиву тугую,
Послушный лук согну в дугу,
А там пошлю наудалую,
И горе нашему врагу!

Значит, для Пушкина эпиграмма еще и квинтэссенция поэзии, в ней сосредотачиваются свойства слова, приобретающего в стихе неотразимо убийственную силу.

Законодатель французского Парнаса, поэт и теоретик классицизма Никола Буало-Депрео в стихотворном трактате «Поэтическое искусство» классифицировал литературные жанры, проследив их от сложного к простому, от высокого к низкому. По Буало, который следовал античной тео-

рии жанров, вершину пирамиды представляют произведения высокого стиля и большого масштаба — эпопея и трагедия, затем по нисходящей располагаются сатира, эклога, идиллия, элегия, ода, сонет, мадригал, баллада, рондо... Где-то в самом низу иерархии появляется малютка-эпиграмма. Буало не слишком серьезно относится к этой поэтической миниатюре, тем более что, как он утверждал:

Стих Эпиграммы сжат, но правила легки:
В ней иногда всего острота в две строки.

(Перевод Э. Линецкой)

Игра словами казалась Буало безвкусной; проникновение ее в мадригалы, сонеты и тем более в трагедию — признаком художественного упадка.

Под влиянием манерных итальянцев, «Повсюду встреченный приветствием и лаской, // Уселся каламбур на высоте парнасской». И только когда разум «очнулся и прозрел», он отовсюду изгнал игру слов,

«Ей место отведя в одной лишь эпиграмме...». Да и в эпиграмму следует вкладывать достаточно серьезное содержание, ибо надо,

...чтоб мысли глубина
Сквозь острословие и здесь была видна.
...Зачем стремиться вам, чтоб Эпиграммы жало
Таило каламбур во что бы то ни стало?

С тех пор как Буало сочинил свой трактат, минуло три века. Ушли в прошлое те жанры, о которых с благоговением писал «французских рифмачей суровый судия»; давно уже нет ни эпических поэм, ни трагедий, ни элегий, ни эклог, ни даже сатир. Пушкин уже в 1833 году замечал, обращаясь к «классику Депрео», что, «...постигнутый неумолимым роком, // В своем отечестве престал ты быть пророком...» и что «...дерзких умников простерлася рука // На лавры твоего густого парика». «Дерзкие умники» отменили эпопею и на ее место поставили прозаический роман, регулярную трагедию заменили драмой — пьесой вне всяких жанров, а на месте различных малых форм поэзии вста-

ло стихотворение вообще, просто стихотворение. Сегодня, в семидесятых годах XX века, из всех этих форм сохранилась лишь одна: лишь эпиграмма. Наряду разве что с басней она оказалась самой живучей, самой устойчивой — бессмертной. Предвидеть этого Буало не мог. В его логическую систему такой путь литературного развития не укладывался.

В чем же сила эпиграммы?

Написано о ней немного. Пожалуй, самое серьезное размышление на эту тему принадлежит немецкому просветителю Лессингу, сочинившему в 1771 году трактат «Разрозненные замечания об эпиграмме и о некоторых виднейших эпиграмматистах». Лессинг обратил внимание на то, что новое содержание, вкладываемое в этот литературный термин, не имеет почти ничего общего с исконным значением слова: ведь эпиграмма значит буквально надпись, и только в античной поэзии, особенно древнегреческой, внутренняя форма термина была оправдана.

В ту пору эпитафиями называли посвященные надписи на статуях, треножниках, надгробных памятниках. Впоследствии такие кратчайшие надписи сочиняли Гете и Шиллер, воспринявшие у греков даже стихотворную форму их эпитафий — выразительный элегический дистих. Древние эпитафии утверждали некую философскую истину, как в следующей надписи, принадлежащей великому мыслителю Платону (V—IV вв. до н. э.):

Все уносящее время в течение своем изменяет
Имя и форму вещей, их естество и судьбу.

(Перевод Л. Блуменау)

Иногда они восхваляют воина или поэта, погребенного под монументом, где начертаны нетленные письма:

Риторы, вам говорить, ибо смолкли уста
Амфилоха.

Здесь, подо мною, в земле, он навсегда опочил.

(Григорий Богослов, IV в. н. э.)
Перевод Ю. Шульца)

Но случалось иногда и так, что даже древние греки использовали краткость жанра для острой шутки, эффектного поворота мысли. Леонид Тарентский жил более двух тысяч лет назад, а его «Эпитафия пьянице Марониде» предвосхищает шуточные или ядовито-сатирические надгробия XVIII—XIX веков:

Прах Марониды здесь, любившей выпивать
Старухи прах зарыт. И на гробу ее
Лежит знакомый всем бокал аттический;
Тоскует и в земле старуха; ей не жаль
Ни мужа, ни детей, в нужде оставленных,
А грустно оттого, что винный кубок пуст.

(Перевод Л. Блуменау)

Так в Элладе начиналась та поэтическая форма, которой суждено было дожить до наших дней. Леонид Тарентский еще простодушен, его шестистишие однопланово, сюжет довольно примитивен: умершая старуха тоскует не по разоренной семье, а по пустому кубку, изваянному на ее надгробии. С первого стиха читатель узнает, что старуха любила выпивать.

вать, сюжетный сдвиг лишен неожиданности. Лессинг оставляет в стороне греков: для него родоначальник жанра римлянин Марк Валерий Марциал (I в. н. э.). У Марциала эпиграмма впервые обретает свои жанровые законы. Появляется напряженные эпиграмматического сюжета, который складывается из ожидания и осуществления, двух элементов, вступающих в противоречие. Лессинг и считает это противоречие признаком эпиграммы — если его нет, перед нами басня, аполог, что угодно — только не эпиграмма. В уже названном выше трактате он пишет: «Существенная разница между эпиграммой и басней сводится к тому, что части, следующие в эпиграмме одна за другой, в басне соединяются в одно и потому являются частями лишь в абстракции». Как правило, различаемые Лессингом части — ожидание и осуществление — имеются у Марциала, который неистощим в способах их сопоставления. Марциал разнообразен, в его сюжетах могут соединяться или всту-

пать в борьбу старое и новое, большое и малое, серьезное и комическое, но внутренний конфликт, ведущий к сюжетному взрыву, обязательен. Иногда этот взрыв — простая шутка, даже не слишком учитывая:

Если хвалю я лицо, хвалю твои ноги и руки,
Галла, ты тотчас в ответ: «Голой я лучше
еще».

Но избегаешь, дружок, со мной отправиться
в бани.

Уж не боишься ли ты, что не понравлюсь
тебе?

(III, 51. Перевод Н. Шатерникова)

Третий стих поворачивает сюжет, четвертый создает конец, отличающийся внезапностью — ожидание обмануто, эпиграмма приобрела двойной и очень ехидный смысл. Сходное движение сюжета в следующем четверостишии:

Дом я в деревне купил и денег много потратил:
Дай мне сотню займы, Цецилиан, я прошу.
Не отвечаешь ты мне? Говоришь ты мне молча,
я знаю:

«Ведь не отдашь!» Потому, Цецилиан,
и прошу.

(VI, 5)

Открыв особое искусство эпиграммы, своеобразие ее конфликта, Марциал уже свободно распоряжается всевозможными формами повествования: он ведет беседу с читателем, с другом, с возлюбленной, строит эпиграмму как рассуждение или как диалог — в последнем случае она превращается в стремительную микропьесу. Можно сказать, что Марциал предвосхитил дальнейшее развитие жанра в европейских литературах, он и в самом деле оказался подлинным его основоположником. В малой форме Марциалу удалось увековечить множество своих современников, заклеив их глупость, низость, коварство, внешнее и внутреннее безобразие. «Дилетант, который все делает «мило», но ничего не сумеет сделать хорошо, светский щеголь, собиратель памятников старины, докучливый знакомец, целующийся, по старому римскому обычаю, при встрече со знакомыми, симулянт, притворяющийся больным в надежде на подношения друзей, подозрительный погорелец, в пользу кото-

рого собрано гораздо больше, чем стоил его сгоревший дом,— лишь незначительная часть обширной галереи образов, встающей на страницах Марциала»¹. Под пером Марциала малый жанр приобрел большой смысловой размах. «Кипящий Марциал, дурачеств римских бич»,— писал о нем П. Вяземский, друг Пушкина,— последний и сам очень высоко ставил эпиграммы Марциала и поражал филологов точностью своих комментариев.

Марциал родился в Испании и, прожив около тридцати пяти лет в Риме, вернулся умирать на родину. Испания стала — наряду с Францией — классической страной эпиграммы. Конечно, это случайное совпадение, но — знаменательное. Традиция Марциала в Испании воскресла в самом начале Возрождения, «золотого века» испанской литературы, когда эпиграммы не чуждались великие поэты эпохи — Лопе

¹ И. М. Тронский, История античной литературы, Учпедгиз, Л. 1957, стр. 451.

де Вега, Аларкон, Тирсо де Молина, а несколько позднее — Гонгора, Вильямедиана, Кеведо. Конечно, как это было и во Франции, эпиграмма в испанской литературе изменялась вместе со временем, и, главное, изменялась та роль, которую в разные исторические эпохи ей приходилось играть в системе национальной поэзии. В XVII—XVIII веках, особенно в XVIII веке, эпиграмма становится политической сатирой. В те времена не было в Испании ни одного сколько-нибудь выдающегося поэта, который бы не сочинял эпиграмм. Историк испанской поэзии Федерико Карлос Саинс де Роблес, составивший большую антологию «Испанская эпиграмма» (Мадрид, 1941), называет в предисловии к своей книге именно XVIII век «золотым веком» этого малого, но столь важного для той поры литературного жанра; он говорит о необыкновенном искусстве, которым овладели пронзительные, скептические умы XVIII столетия,— искусстве «двумя-тремя штрихами создавать убий-

ственно карикатурные портреты» своих современников. К таким острым умам относятся Хуан де Ириарте и Томас де Ириарте, Николас Фернандес де Моратин и его сын Леандро Фернандес де Моратин, Феликс Мария Саманьего, Хосе Иглесиас де ла Каса, Хуан Пабло Форнер, Леон де Арройаль, Хосе Марчена Руис и другие. Ничего удивительного, что эпиграмма достигает наибольшего расцвета в такую пору, когда в поэзии преобладает мысль: ведь стихия эпиграммы — это логический парадокс. Понятно, что в XIX веке наступление романтизма с его культом чувства привело к временному ослаблению эпиграммы: она стала оскудевать, игра мысли нередко уступала место игре слов. Однако в XVIII веке, веке просветителей, большинство поэтов были политическими мыслителями, эрудитами, которые разделяли идеи Вольтера и его соратников. Они творили испанскую эпиграмматическую сатиру, направленную против католической церкви и католической монархии, против

нравственных пороков эпохи, опираясь на иноземных своих союзников, особенно французов, которых они искусно переводили, используя античное наследие и богатейшую национальную традицию.

Испанские эпиграмматисты придали жанру большое разнообразие,— под их пером рождались и лаконичные двустрочные изречения, и сатирические портреты современников, и моральные притчи, и сжатые юмористические рассказы, бытовые эпизоды, аллегорические сценки. Перед читателем проходят яркие социальные типы, созданные на крохотном пространстве десятка, а то и четырех—шести строк. Это и хищник судья, выносящий оправдательный приговор лишь за взятку; и литературный вор, умелый плагиатчик, которого не так-то просто изобличить; и лукавый критик, славословящий одних мертвецов; и безграмотный цензор, который, не умея читать, облечен правом запрещать; и корыстолюбивый лекарь, богатейший на болезнях сограждан; и чинов-

ник-подхалим, обманывающий начальство во имя собственного благополучия... Сатирические эпиграммы в своей совокупности создают удивительную по точности картину общества.

При этом многие из них поднимаются высоко над конкретным эпизодом или персонажем — на уровень емких философских обобщений. Таково, например, восьмистишие Ф. Пачеко (XVI—XVII вв.), где повествуется о живописце, который намалевал петуха и, взглянув на петуха живого, не нашел сходства между ним и своим созданием:

Не выдержал художник и, вспылив,
Занес над ним топор: «Умри, проклятый!»
Так поплатился жизнью гость пернатый
За то, что был доподлинно правдив.

Тут целая философия искусства, да, может быть, и не одна, а две: эстетика живописца, отрицающего реальность, если она расходится с плодом его творчества, и эстетика поэта-эпиграмматиста, сатириче-

ски отрицающего такое отрицание. Не менее содержательное обобщение найдем мы в эпиграмме великого трагика Кальдерона (XVII в.), которая, в сущности, представляет собой маленькую новеллу или притчу. Никто, оказывается, не имеет права сказать: «Мне хуже всех», потому что непременно найдется другой, которому еще хуже. Замечательно, однако, что Кальдерон формулирует не эту отвлеченно-общечеловеческую истину: его герой, которому хуже всех,— ученый, и тот, которому еще хуже,— тоже ученый. Так строится сатирическая картина общества. А поэт XVIII века Аррояль создает живой образ подданного испанской монархии в богатом по содержанию четверостишию:

Как отношусь я к королю?
Да так же, как и все на свете:
Я от души его люблю...
Изображенным на монете.

Кстати, про эту эпиграмму можно сказать, что по структуре она — образец

жанра: первые три стиха развивают тему в одном направлении, четвертый поворачивает сюжет в противоположную сторону; к тому же он содержит не один, а два поворота, и полный смысл эпиграммы раскрыт лишь в последнем слове: «изображенным» — может быть, дальше будет — «на портрете»? Честь и хвала переводчику, подсказывающему нам это ложное решение рифмой; ведь если было бы так, то и тогда четверостишию был свойствен некоторый комизм. Насколько же, однако, содержательнее истинная концовка — «...на монете». Лучшие эпиграммы отличаются чертами, присущими этой: максимальной сжатостью, резким, ошеломительно неожиданным поворотом сюжета, а в особенно редких случаях двойным, даже тройным поворотом (разумеется, они могут содержать и не четыре стиха, а два, шесть или восемь, — важны общие композиционные принципы).

Сатирические эпиграммы способны вместить большие идеи, подчас обобщаю-

шие целую историческую эпоху. Их емкость и краткость определяются как раз умелым сюжетным поворотом, точным «пуантом» (французы называют концовку эпиграммы «pointe» — буквально: «острие»).

Такова эпиграмма Саманьего, относящаяся ко второй половине XVIII века и отличающаяся высокой смысловой плотностью:

Друг, ты пишешь так бледно и хило,
Что никто бы труда твоего
Не читал, даже если б его...

Что будет дальше? Может быть, «...издали огромным тиражом, в роскошной обложке, на веленовой бумаге»? Но при таком продолжении не было бы эпиграммы. Вот как рождается этот жанр:

...даже если б его
Инквизиция вдруг запретила.

Четверостишие внезапно углубилось, приобрело социально-психологическую остроту и парадоксальную содержательность.

Эпиграмма может принимать различные внешние формы. Она воплощается в краткой стихотворной новелле, в драматическом диалоге — тогда она подобна миниатюрной пьесе, в надгробной надписи, в бытовой сценке, неожиданно включающей прямую речь, даже в классическом сонете. Какова бы ни была эта форма, важнейший закон жанра остается неизменным: ожидание сменяется разрешением, содержащим пуант. Заметим, однако, что до сих пор мы приводили примеры смысловых пуантов; они могут быть и стилистическими: ожидание — в одном стиле, например, в высоком; разрешение — в противоположном, например, в фамильярно-разговорном. Отличный пример такого рода эпиграммы дает шуточный сонет Мануэля дель Паласио, представляющий собой пародию на диалог поэта и музы. Поэт цветистым слогом приветствует посетившую его «властительницу грез», которая «сошла на землю ярче метеора» и чья «улыбка, как апрель, светла»; кто же она, таин-

ственная незнакомка? Заключительные два стиха — стилистический пуант: муза совсем в ином стиле отвечает поэту:

...Сеньор, я прачка и пришла,
Чтоб вы мне уплатили за рубашки.

Буало оказался прав в том смысле, что будущее было не за легковесным рифмованным каламбуром, не за «остротой в две строки», а за точной мыслью, облеченной в чеканный, обязательный и неожиданный стих. Такая эпиграмма здравствует и совершенствуется во всех современных литературах. Она вмешивается в политику, клеймит незадачливых правителей, исправляет нравы, обличает литераторов-интриганов, восстанавливает искаженные репутации и попорченную справедливость. Гибкий, подвижный вид поэзии, она обладает отточенностью письменной литературы и независимостью фольклора.

В сегодняшней Испании она живет в форме крохотных политических сатир,

устных «коплас» — своеобразных частушек, бичующих правителей Испании во главе с «gran convido» («великим роконосцем») Франко, его министрами и генералами. «Кавалерия острот, подпявши рифм отточенные пики», по-прежнему угрожает врагам прогресса. Недаром они так боятся маленькой, но беспощадной эпиграммы, которую один из ее лучших русских мастеров — Е. Баратынский — назвал «окогченная летунья»: она

Трется, вьется средь народа,
И завидит лишь уroda —
Разом вцепится в глаза.

* * *

Переводить эпиграммы трудно. То, что на одном языке звучит неожиданной и пленительной остротой, на другом может легко оказаться скучной банальностью — против такой трансформации предостерегал Пушкин. Русские поэты этого не боялись и нередко достигали блестящих

успехов. Достаточно напомнить об опыте Ломоносова, создавшего переводы из Марциала, о великолепных переводах И. Дмитриева (из Мальво), Пушкина (из Вольтера), К. Батюшкова (из Экушара-Лебрена), П. Вяземского (из Ж.-Б. Руссо), Жуковского, Лермонтова, Д. Давыдова, Д. Минаева и других.

Многие переводные эпиграммы вошли в нашу память как шедевры оригинальной русской поэзии. Таково, скажем, знаменитое четверостишие Лермонтова, переведенное из Шиллера:

Делись со мною тем, что знаешь,
И благодарен буду я.
Но ты мне душу предлагаешь:
На кой мне черт душа твоя!..

Впрочем, русские поэты обычно переводили эпиграммы с французского, гораздо реже — с немецкого. Только в последние десятилетия мы приобщились к «маленьким сатирам» английской и шотландской поэзии — Байрона, Бернса, множест-

ва других — благодаря виртуозным переводам С. Я. Маршака, создавшего целую «Книгу эпиграмм», в которой центральное место занимает творчество Роберта Бернса. Но испанских эпиграмматистов наш язык до сих пор так и не знал, — между тем, как уже сказано выше, они принадлежат к лучшим мастерам эпиграммы в европейской поэзии. Владимир Васильев заполняет этот пробел в нашей литературе. Он следует урокам русских поэтов, как переводчик он продолжает дело Маршака, который, по точной и образной характеристике А. Твардовского, «...не просто «переводил» строфу, пугливо озираясь на оригинал, а создавал ее на основе оригинала...»¹. В. Васильев выступает в настоящем сборнике не только как искусный поэт-переводчик, но и как составитель, сумев-

¹ А. Твардовский, О переводах С. Я. Маршака. — В кн.: С. Маршак, Соч. в четырех томах, т. 3, Гослитиздат, М. 1959, стр. 788.

ший из огромного эпиграмматического наследия испанской поэзии отобрать наиболее остроумные и художественно ценные вещи.

Говоря об эпиграммах Баратынского, Пушкин замечал, что эпиграмма-острота «...скоро стареет и, живее действуя в первую минуту, как и всякое острое слово, теряет всю свою силу при повторении», тогда как в умной, точной эпиграмме Баратынского, «...менее тесной, сатирическая мысль приемлет оборот то сказочный, то драматический и развивается свободнее, сильнее. Улыбнувшись ей как острому слову, мы с наслаждением перечитываем ее как произведение искусства»¹. В этих пушкинских словах — превосходное по глубине и краткости определение художественной ценности эпиграммы: она смешит читателя как удачная острота, она вызывает желание снова и снова возвра-

¹ А. С. Пушкин, Собр. соч. в десяти томах, т. 6, Гослитиздат, М. 1962, стр. 370.

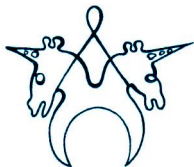
щаться к ней и приносит эстетическое наслаждение — как произведение искусства. Переводчик испанских эпиграмм может гордиться, если хотя бы часть из воссозданных им сатирических миниатюр отвечает критерию, выдвинутому Пушкиным.

Е. Эткинд

*

XVI-XVIII
BEKa

Кристобаль де Кастильехо

1490? — 1550?

*

СЕНЬОРУ, ПРИСЛАВШЕМУ МНЕ
ПЛОХИЕ СТИХИ

Сеньор, заверить вас могу:
Творенья ваши в новом стиле
Меня настолько рассмешили,
Что перед вами я в долгу.
Но заявить велит мне честь,
Что вы передо мною вдвое
В долгу, сеньор, за время, кое
Потратил я, чтоб их прочесть.

Диего Уртадо де Мендоса

1503 — 1575

*

НА ВЕНЕРУ

Когда Венера, шутя,
В броню, как Марс, облачилась
И в ней к Парису явилась,
Парис воскликнул: «Хотя
Внушительны, спору нет,
Твой панцирь и лик суровый,
Но, сбросив свои покровы,
Одержишь больше побед».

Бальтасар дель Алькасар

1 5 3 0 — 1 6 0 6

*

* * *

Твои, Хуанита, очи
Как небо, где солнца луч
Прорезаться из-за туч
Не может до самой ночи.
А ночью — дождя поток
И молнии — до рассвета.
Боюсь, что на небо это
Меня не заманит бог.

Франсиско де ла Торре

1 5 3 4 ? — 1 5 9 4 ?

*

* * *

Всех живых за то клянут,
А умерших восхваляют,
Что одни не умирают,
А другие не живут.

* * *

**Ты на посулы щедрым был.
Так дай нам то, что ты сулил,
А то, что дал, возьми назад,
И сразу все пойдет на лад.**

* * *

Когда судью задобрить нечем,
Вотще ты блещешь красноречьем:
Красноречивей всех не тот,
Кто говорит, а кто дает.

* * *

Коль твой карман, как прежде, пуст,
Уйди, проситель. Здесь, пока
Ты не раскроешь кошелька,
Не раскрывай напрасно уст.

Хуан Руфо Гутьеррес

1 5 4 7 ? — 1 6 2 0 ?

*

КУРТИЗАНКЕ

Нынче в кредит отдаваться опасно.
Не уповай на одни обещанья.
Кто не заплатит в минуту соблазна,
Тот не заплатит и в час покаянья.

Хуан Салинас де Кастро

1 5 5 9 — 1 6 4 2

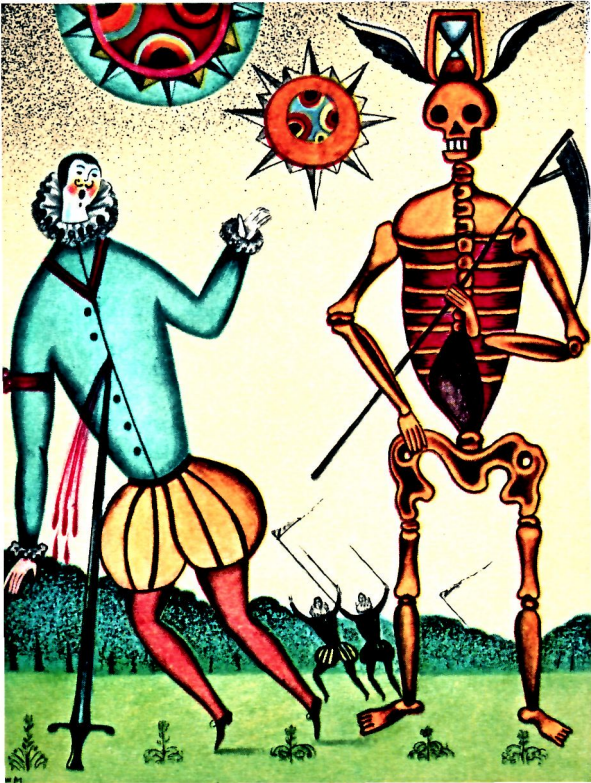
*

НА ВОСКОВОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ХРИСТА

Пав на колени предо мной,
Дрожишь ты, грешная сеньора.
Однако знай: я — восковой,
И я растаю очень скоро.

* * *

Увидев солдат наступающий строй,
Лишил себя жизни испуганный Клето.
Позволю спросить: не безумие ль это —
Спасаясь от смерти, покончить с собой?

Луис де Гонгора-и-Арготе

1 5 6 1 — 1 6 2 7

*

НА НИМФУ ДАНТЕЮ

Дантея, перед чьей красой
Уродство — красота любая,
Кошунство — идеал любой,
Упала, нимф опережая,—
Точнее, с легкостью такой
Она божественное тело,
Послушное движенью рук,
На землю опустить сумела,
Как будто, падая, хотела
Опередить своих подруг.

* * *

Приор, в сутане прея, делал вид,
Что проповедь — нелегкая работа:
Мол, я читаю до седьмого пота
И страшно распахнуться — просквозит.
Ужель он не заметил до сих пор,
Что хоть в одеждах легких мы внимали
Его правоученьям и морали,
Но утомились больше, чем приор?

Бартоломе Леонардо де Архенсола

1 5 6 2 — 1 6 3 1

*

* * *

Франсиско, зная, что беда
Здесь только жулика да вора
Не посещает никогда,
А с честных не спускает взора,
Ограбил одного сеньора
И схвачен был к исходу дня.
И вот, на свете все кляня,
Судью он спросил с испугом:
«Как? Неужели по заслугам
В тюрьму посадят лишь меня?»

Инес, красой своей мужчин
Не раз пленявшая, бывало,
Увидя в зеркале в один
Прекрасный день мильон морщин,
Так на судьбу свою пеняла:
«Увы, не женскому уму
Вдаваться в тайны долголетия.
Я смерть безропотно приму.
Бессмертных нет. Но почему
Должна сначала постареть я?»

НА ЛЕГЕНДАРНУЮ ОСНОВАТЕЛЬНИЦУ
КАРФАГЕНА ДИДОНУ *

Увы, Дидона, с самого начала
С мужьями скверно шли твои дела:
Когда явился первый — ты сбежала,
Когда сбежал второй — ты умерла.

Доне Феликс де Вега Карнио

1 5 6 2 — 1 6 3 5

*

* * *

Уж как я тебя люблю,
Люблю, как сладена пряник,
Как воробей коноплю,
Как землю предков изгнанник,
Как старый скупец казну,
Как воду поля в апреле,
Как муж младую жену
Четыре первых недели.

ЭПИТАФИЯ АСТРОЛОГУ

Лежит известный астролог
Под сим надгробием убогим.
Судьбу предсказывал он многим,
Но вот свою узнать не смог:
Лягнул осел провидца в спину...
Будь старец более умен,
Держал бы в поле зренья он
Не небо, а свою скотину.

Франсиско Пачено

1 5 6 4 — 1 6 5 4

*

* * *

Художник петуха намалевал
И вдруг увидел петуха живого,
Но сходства между ними никакого
Найти не мог он, сколько ни искал.
Не выдержал художник и, вспылив,
Занес над ним топор: «Умри, проклятый!»
Так поплатился жизнью гость пернатый
За то, что был доподлинно правдив.

Тирсо де Молина

1 5 7 1 ? — 1 6 4 8

*

* * *

Когда любовь — не праздная игра,
Язык у нас немеет, и не диво:
Ведь та любовь, что на слова щедра,
Столь ненадежна, сколь красноречива.

• • •

Замечено, что женщина всего
Два раза в жизни счастлива бывает:
Сперва — когда супруга обретает,
Затем — когда лишается его.

* * *

Как-то раз палач с учеником
Чучело связали из соломы
И свои обычные приемы
Стали отрабатывать на нем.
Вслед за палачом не без волнения
Повторял уроки новичок,
Но никак по робости не мог
Выполнить простого упражненья.
Лопнуло терпенье палача:
«Вот что: если в нашем честном деле
Столь неповоротлив ты доселе,
То поди учиться на врача».

* * *

Жил да был король. При нем
Свита числилась большая.
Был король немного хром,
А вослед за королем
Лизоблюд ходил, хромая.
Всяк придворный, стар и мал,
Не желая быть в опале,
Лизоблюду подражал.
И когда король хромал,
Все вокруг него хромали.

*Хуан де Тассис-и-Перальта
де Вильямедиана*

1 5 8 0 — 1 6 2 2

*

**НА ЧЕТУ НЕОБЫКНОВЕННО БЕЗОБРАЗНЫХ
ГРАФА САЛАСАРА И ДОНЬЮ МАРИЮ ЛАСО
ДЕ КАСТИЛЬЯ**

Сейчас граф Саласар Страшило
Смотрелся в зеркало опять,
Чтоб на жену свою взирать
Ему не так уж страшно было.

**ПРИДВОРНОМУ АЛЬГВАСИЛУ *
ДОНУ ПЕДРО ВЕРХЕЛЮ**

**За тысячу шагов видны
Брильянты эти на Верхеле,
Которыми вчера владели
Любовники его жены.**

ЭПИТАФИЯ РОДРИГО КАЛЬДЕРОНУ *

**Здесь Кальдерон под мрачный свод сошел.
Он до наипоследнейшего вздоха
Плохое делал очень хорошо,
Хорошее — неимоверно плохо.**

*Франсиско Гомес де Беведо-и-
Вильегас*

1580 — 1645

*

* * *

Все уверяют, что Элой
Себя не балует едой
И целый день молчит сурово.
Мне ненавистен друг такой,
Но вот бы мне слугу такого!

НА ОРФЕЯ *

Когда Орфей за Эвридикой
В Аид спустился, бог Плутон
Был беспредельно возмущен
Такою дерзостью великой.
Запел пленительный Орфей,
Как никогда не пел. Однако,
Хотя Плутону в царстве мрака
Вдруг стало на душе светлей,
Багровый от негодованья,
Вернул Орфею он жену,
Что было даже в старину
Тягчайшей мерой наказанья.
Засим смягчился грозный бог
И смертному в вознагражденье
За удивительное пенье
Вновь потерять ее помог.

* * *

Ах, красавица, сердцем моим
Ты, конечно, легко овладела.
Но моим кошельком овладеть —
Не такое уж легкое дело.

ЭПИТАФИЯ

Пред сим крестом склонись, прохожий:
Старушка здесь погребена.
Хотя и славилась она
При жизни святостью, по все же
Не торопилась уходить
На небеса по доброй воле,
Поскольку не смогла бы боле
Там честных девушек черпить.

НОВОЯВЛЕННЫЙ СВЯТОЙ

Вот сведенья, отосланные в Рим,
Чтоб Рим канонизировал святого:
Сей муж был праведник, не пил хмельного;
Возвышенный душой, как херувим,
Он под пятой у тещи стал ручным;
Злой тесть его лишил казны и крова;
Воспитывал он сына, но такого,
Что ничего не мог поделаться с ним.
Жить выпало на долю горемыке
Меж кузницей и лавочкой заики,
Он был подчас горбушке черствой рад,
На рубище утратил счет заплатам,
Слыл мучеником, ибо был женатым,
И чудотворцем: не бывал рогат.

* * *

Ты знатен, ты в высоком чине,
И здесь, сеньор, твоей гордыне
Богатства все принадлежат:
Твой этот лес, твой этот сад,
Твой этот пруд в твоей долине,
Твой этот погребок вина,
Твое и этих звезд сиянье.
Здесь все твое, и лишь одна
Твоя законная жена —
Общественное достоянье.

*Алонсо Херонимо де Салас
Барбадильо*

1581 — 1635

*

* * *

Ты судился круглый год,
Скупердяй и плут отпетый,
Но скорбишь ты, что и этой
Тяжбы близится исход.
Чем напрасно сокрушаться,
Ты женись-ка, милый мой,
И до сени гробовой
Будет с кем тебе тягаться.

* * *

Сеньор, без всякого стеснения
Бегите от глупца заранее:
Он вас лишит уединения
И не составит вам компании.

*Франсиско де Борха-и-Асеведо
де Эскилаче*

1581 — 1658

*

* * *

Не разобравшись, восхваляешь
И критикуешь тоже зря,
Или, точнее говоря,
Что говоришь, и сам не знаешь.

* * *

Когда, одну хулу любя,
Камила ближних затравила,
Пошла к духовнику Камила
С хулой на самое себя.

Габриэль дель Корраль

1588 — 1652?

*

ЛИТЕРАТУРНОМУ ВОРУ

Легко пошли твои дела:
Ты, лишь бы сделаться пиитом,
Орудя пером, добытым
Из Люциферова крыла,
Меня на людях и поныне
Все грабишь, не боясь улик.
А если я кричу, мой крик —
Глас вопиющего в пустыне.

Мигель Морено

1 5 9 6 — 1 6 3 5

*

* * *

Алонсо выдал твой секрет.
Ты негодуешь, ты за это
Гробишься сжить его со света.
Гаспар, вот мой тебе совет:
Все то, что разнесла молва
И что тебя волнует крайне —
Не сохранил ты первый в тайне,
Себя и накажи сперва.

* * *

Завистников чрезмерно много
У нас становится опять.
«Судья,— спросил правитель строго,—
Как мне их лучше наказать?»
«Поскольку зависть людям этим
Яд в души точит, как змея,
Позволь завидовать и впредь им», —
Ему отвечивал судья.

* * *

Дабы на слуг ты положиться мог,
Не потакай им ни за что на свете,
Свои грехи держи от них в секрете,
А главное — плати им деньги в срок.

Альваро Жубильо де Арагон

1596 — 1664

*

* * *

Однажды вор у горбуна
Похитил сшитый по заказу
И не надеванный ни разу
Камзол из тонкого сукна.
И пожелал горбатый вору,
Придя расстроенный домой:
«О боже, сделай так, чтоб мой
Камзол ему пришелся впору».

Педро де Бирос

? — 1 6 6 7

*

* * *

Пушисты у Пакиды косы,
Прекрасны глазки у Инес,
У Клары — чудо из чудес
На щечках ямки, а у Росы
На шляпке золотая брошь.
Из них милее всех какая?
Амур, ты слеп и, выбирая,
Конечно, глазки предпочтешь.

Бернардино де Ребольедо

1 5 9 7 — 1 6 7 6

*

* * *

Ана, будь умней немного,
Ты творишь молитву зря.
То, что просишь ты у бога,
Попроси у звонаря.

* * *

У доньи Клары грустный вид.
Все та же мысль ей душу ранит:
Коль смерть нечаянно нагрянет,
Ах, кто бедняжку причастит?
Увы, находится в таком
Смятенье бедная девица,
Что даже спать она ложится
Лишь со своим духовником.

* * *

Я в церкви спросил у возлюбленной:
«Чью душу спасти ты молила?
Мою ль, что тобою погублена,
Свою ль, что меня погубила?»

НА ТРУСЛИВОГО ВРАЧА

Как! Врач заикой стал с испугу?
Оставь пустые разговоры.
Не струсит человек, который
Наводит страх на всю округу.

* * *

Ты, брат, охотник до похвал.
Но я моих творений боле
Тебе не дам по доброй воле,
Чтоб ты своих мне не читал.

Педро Бальдерон де ла Барка

1600 — 1681

*

* * *

Придворный угощал посла,
Войти в фавор к нему желая,
Но дичь остывшая такая
На сей раз подана была,
Вино ж настолько теплым было,
Что гость изрядно осерчал
И опустил еду в бокал.
Хозяин, видя, как премило
Жаркое плавает в вине,
Оторопел от изумленья.
А гость сказал: «Прошу прощенья,
Но то, что подано здесь мне,
Могло бы повредить желудку.
Да будет что-нибудь одно:
Пусть утка охладит вино
Иль пусть вино согреет утку».

* * *

Нельзя столь несчастливым стать,
Чтоб зависти людской не знать;
Нельзя счастливым стать таким,
Чтоб не завидовать другим.

* * *

Гнусавый Пабло в плен попал
И притворился на галере
Глухонемым. «По крайней мере,
За бессловесных выкуп мал»,—
Решил наш хитроумный пленник.
Вот у паши он как немой
Был вскоре выкуплен родней
За небольшую сумму денег.
На свой корабль взойти спеша,
Он прокричал, свободный снова:
«Паша, ты продал не немого!»
«Чудак,— отвечивал паша,—
Зачем молчал ты, непонятно.
Когда б я только слышал, как
Гнусавишь ты, презренный враг,
Я б отпустил тебя бесплатно».

* * *

Я слышал, что, когда однажды
Дон Хусто сильно занемог,
У изголовья дона Хусто
Сидел, исполненный тревог,
Его любимый друг. И Хусто
Сказал растроганно: «Дай бог
Себя здоровым мне увидеть
И при смерти тебя, чтоб мог
Ты убедиться, сколь приятно,
Когда больной не одинок».

* * *

Латал подмастерье жилет,
Достав из сумы все пожитки.
Я крикнул: «Здорово, сосед!
Что нового?» Он мне в ответ:
«Как видишь — одни только нитки».

* * *

В лохмотьях, голодом томим,
Ученый плелся по дороге,
Как самый жалкий пилигрим.
«О, как мне жить? Внемлите, боги!
Питаюсь я зерном сырым.
Все униженья перенес я!
Кто более, чем я, страдал?»
Но, обернувшись, увидал,
Что брошенные им колосья
Другой ученый подбирал.

Сальвадор Хасинто Поло де Медина

1 6 0 3 — 1 6 7 6

*

ЭПИТАФИЯ ПРОПОЙЦЕ

Здесь навсегда опочил
Тот, кто без просыпу пил
Не для того, чтобы жить,
А для того, чтобы пить.

Антонио де Солис-и-Риваденейра

1610 — 1686

*

**НЕКОЕЙ СЕНЬОРЕ, ПОСЫЛАЯ
ЕЙ КУВШИН СО СВЯТОЙ ВОДОЙ**

Примите, о сеньора, в дар от друга
Кувшин святой водицы. Сей презент,
Возможно, не излечит от недуга,
Но жажду утолит в любой момент.

Агустин Морето-и-Кабанья

1 6 1 8 — 1 6 6 9

*

* * *

На дуэль (не редкость в наши дни)
Лиссабонец вызвал лиссабонца.
На крутой горе с восходом солнца
Порешили встретиться они.
Первый, взяв оружие для схватки,
С вечера взошел на гору ту
И, в ногах почувяв ломоту,
Отдыхать устроился в палатке.
А второй, во тьме о кручи скал
Обдирая руки, с полуночи
До зари лез в гору что есть мочи
И, прибыв на место, простонал:
«Я ослаб, и сердце еле бьется...»
Первый оживился: «Если вы,
Как я вижу, в сущности, мертвы,
Что мне, право, делать остается?»

Хуан де Приарте

1702 — 1771

*

* * *

Геркулес с быком ввязался в бой.
То, что в поединке этом смелом
Было для него серьезным делом,
Для испанца стало лишь игрой.

**НА ОСНОВАТЕЛЯ ВАВИЛОНСКОГО
ЦАРСТВА НЕМВРОДА *, В ЮНОСТИ
«ЛОВЦА ПРЕД ГОСПОДОМ»**

Был в годы юности своей
Искусным ловчим царь Немврод:
Сперва он истреблял зверей,
А после взялся за народ.

**О ПРОСВЕЩЕННОЙ МОНАРХИИ И
КОРОЛЕ АЛЬФОНСЕ МУДРОМ ***

**О тех, кто правит, неверна
Твоя сентенция, Платон:
Хотя Альфонс и был учен,
При нем стонала вся страна.**

ЭПИТАФИЯ КОПЕРНИКУ

Здесь найдя уединенье,
Спит Коперник под плитой.
Дай, земля, тому покой,
Кто привел тебя в движенье.

**НА ПРЕВОСХОДНУЮ СТАТУЮ СВЯТОГО
БРУНО ***

Сие святого Бруно изваянье
Несет чрезмерной живости печать:
Устав ему предписывал молчанье,
Искусство не дает ему молчать.

В СТРАСТНУЮ ПЯТНИЦУ *

Ни звона нет колокольного,
Ни брани, ни скрипа колес.
Жить только и можно в Мадриде,
Когда умирает Христос.

* * *

Ни об одном живом поэте
Не слышу теплого слова.
Ты славословишь без конца
Лишь тех, кого уж нет на свете.
Но не настолько по сей день
Я, друг, ценю твои сужденья,
Чтоб ради них без сожаленья
Сойти под гробовую сень.

* * *

**Взошел Сельвино
На Парнас.
И две скотины
Там сейчас.**

ЭПИТАФИЯ ПРОПОЙЦЕ

Прошу, незнакомец, не лей
Ты слез над могилой моей.
Как в радости, так и в беде
Я был равнодушен к воде.

• • •

Добиться развода с женою и вскоре
В новой женитьбе искать утешенье —
Значит стремиться в открытое море,
Уже пережив кораблекрушенье.

НА ЦИРЮЛЬНИКА

Какой цирюльник! Труженик какой!
Пока с сосредоточенною миной
Пыхтел он над одной моей щекой,
Другая снова обросла щетиной.

О ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕ И ЦИРЮЛЬНИКЕ

Мужика нужда приперла,
А цирюльник сыт по горло.
Раз в году крестьянин жнет,
А цирюльник — круглый год.

* * *

Ты у сильных мира просишь мало
И ни с чем уходишь. Лучше впредь
Требуй много, и тогда, Гонсало,
Ты не будешь попусту краснеть.

НА АНГЛИЙСКОЕ ПРОИЗНОШЕНИЕ

От бриттов все погибнут вскоре:
Их ненасытность такова,
Что разом целые слова
Они глотают в разговоре.

Николас Фернандес де Моратин

1737—1780

*

• • •

Поведал португалец как о чуде:
«Во Франции все жители подряд
Свободно по-французски говорят.
Поистине счастливейшие люди!
Дворянство наше — этакий конфуз!—
Зубрит весь век слова нечеловечьи,
А там на этом чертовом наречье
Болтает бойко каждый карапуз».

Хосе Кадальсо-и-Васкес

1741—1782

*

ЭПИТАФИЯ УМЕРШЕМУ
ОТ НЕРАЗДЕЛЕННОЙ ЛЮБВИ

Долго сватался я к Камиле,
Но жениться не смог никак
И от горя лежу в могиле.
А поодаль друзья почили
Оттого, что вступили в брак.

* * *

Золотым дождем в свой час
Зевс приворожил Данаю *.
Верю в это, ибо знаю:
Сотни зевсов среди нас.

Гаспар Мельчор де Ховельянос

1744—1811

*

* * *

Услышав речь знакомого поэта,
Что женщины нас губят иногда,
Я грустно отвечал ему на это:
«Вы правы, может быть, да вот беда —
Покуда я еще в числе живых,
Жить не могу ни с ними, ни без них».

НА АДВОКАТА С ЛУЖЕНОЙ ГЛОТКОЙ

Чтоб защищать, я не иду статей
Ни в римском праве (глупые забавы),
Ни в кодексах испанских королей,
Написанных для нашей вящей славы.
Все потому, что я усвоил четко:
Не хватит доводов — поможет глотка.

Феликс Мария Саманьего

1745—1801

*

НА ТОМАСА ДЕ ПРИАРТЕ

Друг, ты пишешь так бледно и хило,
Что никто бы труда твоего
Не читал, даже если б его
Инквизиция вдруг запретила.

* * *

Франсиско каялся в грехах.

Их отпускал ему монах:

«Женат ли, сын мой?» — «Падре, холост».

«А занят чем?» — «Белю я холст».

«Бели, твой труд вознаградится».

«Какие у тебя грехи?»

«Я, падре, согрешил с девицей,

Дела мои совсем плохи».

«О, стыд! К ней ходишь ли сейчас-то?»

«Хожу поныне, но не часто».

«Раз в месяц?» — «Чаще». — «Значит, раз

В неделю?» — «Чаще». — «Ловелас!

Чай, каждый день?» — «Я грешен, знаю...»

«Ответь ясней. Вопрос мой прост».
«На дню три раза там бываю».
«Черт знает что! Не понимаю,
Когда ж ты, сын мой, белишь холст?»

Хосе Иглесиас де ла Каса

1748 — 1791

*

* * *

«Когда меня ты оставляешь часто
Без денег на изрядно долгий срок,
За счет чего живу я, муженек?» —
Спросила как-то Роса у Эрасто.
Он ей ответил: «Знать мне не дано».
Тут Роса в зеркало супруга ткнула.
«Сюда смотришь,— она ему шепнула,—
Ужель не даст ответа и оно?»

* * *

Один хирург благочестивый,
От жизни ждавший новых благ,
Определить не мог никак,
Что больше принесет наживы:
Всеобщий мир иль пушек гром.
Но, рассудив, что в равной мере
Обязан Марсу и Венере,
Он успокоился на том.

* * *

Меня Камила ножкой пнула ловко.
Я думал, что нечаянно, ан — глядь! —
Еще и не опомнился, опять
Моей ноги касается плутовка.
«Уймитесь, ангел мой,— на третий раз
Сказал я непоседливой Камиле,—
Уж если бы вы по душе мне были,
Я с первого бы раза понял вас».

• • •

Мне мой должник, известный плут,
Морочил голову так долго,
Что на предмет взысканья долга
Я обратился с иском в суд.
Должник извел на адвоката
Такую сумму, что она
Пяти его долгам равна.
Оригинальная расплата!

Томас де Приарте

1750 — 1791

*

РЕЦЕПТ ЗНАХАРЯ

Для твоего, голубчик, исцеленья
От хворости, не знаю сам какой,
Не знаю как, свари себе настой.
Бог весть какие тут нужны коренья,
А может быть, полынь иль череда?
Не знаю, доля их нужна какая.
По сколько раз, не знаю, принимая,
Излечишься, не ведаю когда.

* * *

О, если вас остервенело
Бранит знаток, то худо дело.
Но вдвое хуже, если вам
Невежда курит фимиам.

* * *

Один писатель говорит,
Что он лишь то творит, что знает.
Но здесь добавить не мешает,
Что он не знает, что творит.

Хуан Пабло Форнер

1756 — 1797

*

ЭПИТАФИЯ МОНАХУ

Здесь беспробудно спит брат Анисето.
Он и при жизни делал только это.

* * *

Когда я беден был и наг,
Мне все желали всяких благ,
Теперь, когда я стал богат,
Все разорить меня хотят.

* * *

К посредственным поэтам строг,
Рамон ударился в сатиру
И сотни три прескверных строк
Явил писательскому миру.
Не сокрушайся, друг, что он
Так варварски язык калечит:
Своими виршами Рамон
От рифмоплетства всех излечит.

**НА НОВЫЙ ИСПАНСКИЙ ПЕРЕВОД
КНИГИ ИОВА ***

**Иов, век свой влачил ты, скорбя,
Обездоленный, хворый и нищий.
Но изведаеть горе почище:
Аррояль переводит тебя.**

Леон де Аррояль

2-я половина XVIII века

*

* * *

Нам ножки показать желая,
Руфина в простоте своей
Шагнула так через ручей,
Что мы узрели кущи рая.
И я сказал: «Волшебный сон!
Какие милые ворота!
Да вот досада: отчего-то
Вход посторонним воспрещен».

КОГДА ЖЕНИТЬСЯ?

«То говорят: жениться рано,
То скажут: поздно, староват».
«Я понимаю, дон Иркано.
Так вот: жениться рано, брат,
Тем, кто с премудростями старца
Еще не очень-то знаком,
И тем уж поздно, кто тягаться
Не может бодростью с юнцом».

НА СЕБЯ САМОГО

Амур жесток, и я не жду
Освобождения из плена.
Врач, у которого в ходу
Рецепты самого Галена *,
Бессилен, на мою беду.
Вот, рассердившись совершенно,
Швыряю я лекарства прочь:
«Ах, врач, с Галена взятки гладки.
Здесь без него легко помочь:
Оставьте порошки, облатки,
Мне пропишите вашу дочь,
И сразу будет все в порядке».

* * *

Как рекрутчиной пугнули,
Я женился. Вот глупец!
Лучше было бы под пули
Угодить, чем под венец.

* * *

Когда я сильным парнем был,
Мне только денег не хватало.
Теперь, когда их много стало,
Мне не хватает только сил.

**РАВНЯЯСЬ НА ИМПЕРАТОРА
ВЕСПАСИАНА ***

Не сделав за день ничего благого,
Веспасиан нахмурился сурово
И, выйдя к приближенным, крикнул
с жаром:
«Друзья, мой день пропал сегодня даром!»
Когда бы все так стали поступать,
Как скоро бы охрипла наша знать!

О КОРОЛЯХ

Как отношусь я к королю?
Да так же, как и все на свете:
Я от души его люблю..
Изображенным на монете.

Франсиско Грегорио де Салас

? — 1808

*

ИСПОВЕДЬ МОЛОДОЙ ЖЕНЩИНЫ

«Кого избрать? В смущенье я великом:
Жить можно и со старцем и с юнцом.
Один прельщает ангельским лицом,
Другой смущает королевским ликом *».

**НА СТРАСТНОГО ОХОТНИКА,
НО НЕВЕРНОГО МУЖА**

**«Мой муж, охотник, постоянно
Глядит, как волк, на те леса...»
«Не продолжай. Я знаю, Ана,
Он обожает телеса».**

ПУШКИ

**Лучшим средством убежденья
У могучих королей
Служат бронзовые пушки,
Цицероны наших дней.**

**ЭПИТАФИЯ
НА СЛУЧАЙ МОЕЙ СМЕРТИ**

**Об одном молю я небо:
Коль окончить жизнь пора мне,
Пусть конец придет внезапно,
Как концовка в эпиграмме.**

Хуан Франсиско дель Пласо

1758 — 1808

*

НЕТЕРПЕЛИВОМУ

Не торопись! Горьки обычно
Плоды поспешного труда.
То, что написано отлично,
Издать не поздно никогда.

Леандро Фернандес де Моратин

1760 — 1828

*

НА ЦЕНЗОРА

То, что цензор ты,— очень мило.
Одного не могу понять:
Как же ты цензуруешь, Камило.
Не умея даже читать?

* * *

Пока Рамон бранит мой труд,
Мне только слава и почет.
Но коль хвалу он петь начнет,
Все дураком меня сочтут.

* * *

Сей борзописец всякий сброд
Себе в помощники берет,
Но обойтись бы мог свободно
Без их голов. Ему с лихвой
Достаточно своей одной
Для глупости какой угодно.

АНОНИМНЫЕ
ЭПИГРАММЫ
XVI-XVIII
ВЕКОВ

**НА ЗАВОЕВАНИЕ МАВРАМИ
ПИРЕНЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА**

Победы одержав кровавые,
Враг наши земли захватил:
Одерживают верх неправые,
Когда у правых меньше сил.

• • •

Ах, неприступная прелестница,
К чему напыщенность всегдашняя?
Еще такой не знаю башни я,
К которой не нашлась бы лестница.

* * *

**Мне снилось: навечно
В меня ты влюблен.
И снилось, конечно,
Что все это сон.**

**ЭПИТАФИЯ ПОРТУГАЛЬСКОМУ
ДВОРЯНИНУ**

Прохожий, португалец здесь лежит
По имени дон Васко Силва Сид.
В сраженье показал он маврам спину:
Наверно, он домой хотел поспеть,
Чтоб у себя в постели умереть,
Как это подобает дворянину.

* * *

Сей сеньор на днях открыл
Богадельню, но сначала,
Чтоб она не пустовала,
Всех соседей разорил.

• • •

А говорил о сем святой Кирилл?
Нет? Ну, тогда и я не говорил.

ХРИСТУ

(Надпись, сделанная на Мадридской художественной выставке под неудачным изображением Христа работы художника Пачеко)

Отчего стал так страшен ты вдруг:
Бледен, немощен, сущий калека?
Говоришь, от изведанных мук?
Нет, Иисусе! От кисти Пачеко.

* * *

Если я, великий боже,
Посвящу тебе свой труд,
Где ручательство, что все же
Книгу к черту не пошлют?

XIX*
начало XX
ВЕКА

Альберто Листа-и-Арагон

1775—1848

*

• • •

Как! С первого прикосновенья
Уж вы сдаетесь, Эухенья?
Но чтобы страсть пылала в нас
Не день, а долее немного,
Один, один хотя бы час
Сопровивляйтесь, ради бога.

Пабло де Герика

1781 — 1831

*

ДЕЛЕЖ

Делить со мной красотку стали
Морфей и озорник Амур,
Который первым крикнул: «Чур
Мне сердце!» Я, смутясь вначале:
«Что ж,— говорю,— быть по сему.
Морфей, нас остается двое —
Глаза тебе, а остальное,
Уж ладно, я себе возьму».

СНОТВОРНОЕ

Бессонницею сын Венеры
Страдал почасту до утра,
И мать подумала: «Пора
Принять решительные меры».
Едва влюбленный Купидон
По наущению Морфея
Попал на ложе Гименя,
Как вмиг восстановился сон.

**НА ПЕРЕВОДЧИКА ПОЭМЫ
ПУБЛИЯ ВЕРГИЛИЯ МАРОНА * «ЭНЕИДА»**

На испанский ты Марона
Перевел плохим стихом.
Но коль мнишь ты, что во всем
Дух Марона неуклонно
Этот труд передает,
То Марону в подражанье
Ты составь и завещанье,
Чтоб сожгли твой перевод.

* * *

«Сеньоры, тише там нельзя ли? —
Вскричал разгневанный судья.—
Уж сколько дел мы разобрали —
Ни одного не слышал я».

НА БИСКАЙСКОГО СВЯЩЕННИКА

Один бискайский поп в селенье
Не появлялся без ножа.
Епископ, услыхав об этом,
От возмущенья весь дрожа,
Призвал его и молвил строго:
«Я, сын мой, в жизни не слышал,
Чтоб при себе носил священник
Топор, секиру иль кинжал».
И отвечал священник: «Ваше
Преосвященство, это так.
Но служит нож мне для защиты
От здешних бешеных собак».
«Ты лучше,— возразил епископ,—
Молитвы господу читай».
«Я это средство испытаю,—
Сказал священник.— Но пускай
И нож с молитвенником вместе
Со мною будет про запас,
Поскольку до сих пор в латыни
Собаки не сильны у нас».

**НА СЕНЬОРУ,
НЕАККУРАТНО ПОСЕЩАВШУЮ ЦЕРКОВЬ**

Как-то Эля заболела
И сказала: «Смерть близка.
Пригласите фра Мигеля,
Моего духовника».
Причастить больную Элью
Фра Мигель и был бы рад,
Но, увы, зарыт он в землю
Ровно десять лет назад.

Хосе Сомоса-и-Муньос

1 7 8 1 — 1 8 5 2

*

НА ПОСТРИЖЕНИЕ ХУАНЫ

Бывало, мог любой проstack
К Хуане в дом прийти незванным.
Всех соблазняли там приданым
И с ней вступить склоняли в брак.
Но, видя, что надежды мало,
Что дуралеев нет окрест,
Она, на всем поставив крест,
Невестою Христовой стала.

Хосе Хоакин де Мора

1 7 8 3 — 1 8 6 4

*

* * *

На Анисето погляди!
Хоть инквизиторского знака
Он уж не носит на груди,
А все пером строчит, однако.
И я уверен наперед,
Что тех, кого сей Анисето
Не сжил доносами со света,
Теперь стихами изведет.

* * *

Жарой и жаждой изнурен,
Блуждал скиталец по пустыне,
Как вдруг вдали, в палящей сини,
Заметил виселицу он
И закричал: «О, боже, это,
Надеюсь, не мираж, не сон:
Передо мной — о, я спасен! —
Цивилизации примета».

Франсиско Мартинес де ла Роса

1787 — 1862

ВСТРЕЧА С АМУРОМ

«Купи, красавица, амура,
С ним никогда не пропадешь.
Его за крылышки держу я,
Ты погляди, как он хорош!»
«А он послушен?» — «Как ягненок».
«И молчалив?» — «Как рыба нем».
«Красив?» — «Красавец небывалый».
«И неразборчив?» — «Слеп совсем».
«Подвижен?» — «Мотыльку подобен».
«Улыбчив?» — «Как зари приход».
«А верен?» — «Как твое сердечко».
«Тогда он мне не подойдет».

КЛАДБИЩЕ УРОДОВ

I

Лежат супруги здесь, а рядом
Свекровь, золовка и свояк.
Чертей не надо. Склеп и так
Отныне стал кромешным адом.

II

Под сей плитой лежит вдова.
Бедняжка, слез пролив немало,
Сошла в могильну сень, едва
Седьмого мужа потеряла.

III

Почившая под сей плитой,
Как говорят, была девицей
Богатой, статной, белолицей
И ко всему глухонемой.

IV

Прохожий, лучше здесь не стой:
Доносчик спит под сей плитой.

V

Ландскнехт живым сошел
в могилу эту:
Он принял смерть за чистую монету.

VI

В этом склепе, как осень сыром,
Бьет фонтаном вода из-под плит.
«Водовоз тут, наверно, лежит?»
«Нет, прохожий, торговец вином».

VI

«Как щепка тощий,
без гроша в кармане,
Бесплатно погребен на месте этом...»
«Не продолжай: покойник был поэтом».

VII

Блистательный царедворец
Почил здесь во цвете лет:
Отвешивая поклоны,
Сломал он себе хребет.

IX

ЭПИТАФИЯ ПОРТУГАЛЬСКОМУ ДВОРЯНИНУ

Здесь почил сеньор Карвальо Лима
Моизиньо Силва да Андрада...
Либо покороче надо имя,
Либо подлинней надгробье надо.

Х

Два близнеца, из них наследник — слева,
Почили вечным сном под сей плитой,
Один от несварения желудка
И... от недоедания другой.

ХІ

Прохожий, знай: в могиле этой
Почитет ростовщик Антон.
Голубчик, не звени монетой,
А то еще проснется он.

Мануэль Бретон де лос Эррерос

1796—1873

*

* * *

Гордый сознанием, что с музой ты дружен,
Пабло, на труд свой ты отзыва ждешь?
Если труд первый, то нет его хуже,
Если последний, то очень хорош.

* * *

Плачевным он слывет поэтом,
Но, что плачевнее всего,
Он совершенно глух при этом:
Попробуй освищи его!

Венеслао Айгуальс де Иско

1801—1873

*

* * *

Не сомневаюсь я в одном —
Что ум зависит от того лишь,
Каким ты вскормлен молоком.
Ума у бога не намолишь.
Хозяин мой бранит меня —
Мол, я болтаю небылицы.
Какая ж это болтовня?
Он сам пил молоко ослицы.

Рамон де Месонеро Романос

1803 — 1882

*

* * *

Коль хочешь ты попасть, Родриго, в рай,
То Библию читать не забывай.
А в этом брэнном мире, друг Родриго,
Всего нужней поваренная книга.

Хуан Эухенио Артсенбуч

1806 — 1880

*

НА СМЕРТЬ
РАССЕЯННОГО ЧЕЛОВЕКА

О дне недели, о свиданье,
О сне, о данном обещанье
Нередко забывал Томас,
Но о земном существованье
Он позабыл всего лишь раз.

Хайме Лусиано Бальмес

1810 — 1848

*

* * *

Лежащий в гробу ростовщик
Не стал исключением из правил:
Он все, что нагребил, оставил.
Какой сердобольный старик!

Хосе Бернат-и-Бальдови

1810 — 1864

*

* * *

Крестьянка встретила крестьянку:

«Ах, я, кума, удивлена.

Зачем наш писарь спозаранку

Торчит у твоего окна?»

И отвечала ей соседка:

«А ты, кума, раскинь умом —

Нужна черпильница передко

Тому, кто действует пером».

ЭПИТАФИИ

I

Щелкоперов на кладбище — бездна.
Не молитесь за них — бесполезно.

II

Парижского портного знал здесь каждый.
Он даже был во Франции однажды.

III

Здесь почитет воин Хорхе.
Часто нюхал он табак,
Но зато не нюхал пороха.

IV

Красотка Инес придворных, бывало,
Не только смехом своим заражала
И цену себе набивала красную,
Хотя покупали ее за разную.

V

Сей старец был заядлым антикваром
И не смотрелся в зеркало недаром:
Не то себя он тоже был бы рад
Упрятать в шкаф, как редкий экспонат.

Никомедес Пастор Диас

1811—1863

*

* * *

Жизнь, эту лучшую из книг,
Мы невнимательно читаем,
А если что в ней подмечаем,
То забываем в тот же миг.

*Мигель Агустин Принсипе-и-
Видауд*

1811—1866

*

* * *

Когда не знал, что делать дале,
Леандро сунулся в печать...
Его читатели читали,
Когда не знали, что читать.

* * *

Хотя в сотрудниках журнала
Нехватки, слава богу, нет,
Журнал закрыли. В чем секрет?
В том, что читателей не стало.

О СТОРОЖЕ И ЧУЖОЙ СОБАКЕ

Хиль, чья собака как-то раз
Схватила сторожа за пятку
И призвана была тотчас
Железным посохом к порядку,
Вскричал, смотря на эту схватку:
«Ты, сторож, мог при всем при том
Бить набалдашником, однако
Бьешь, старый изверг, острием!»
«Бью острием? Твоя собака
Кусалась тоже не хвостом».

• • •

Дон Хусто пожирал гранат,
И хрустнул зуб у дона Хусто.
«Ах, чтоб дантисту было пусто!
Мне зуб он вставил час назад,
Содрав с меня за это двести...»
Но вдруг осекся: «Как я глуп!
Сломался-то здоровый зуб,
Вставной, хвала творцу, на месте».

Антонио Рибот-и-Фонтсере

1813 — 1871

*

* * *

С голодным встретившись врачом,
Спросил я как нельзя любезней,
Что́ этот врач из всех болезней
Считает наибольшим злом.
Врач, поведя угрюмо бровью,
К такому выводу пришел:
«Сеньор мой, худшее из зол —
Несокрушимое здоровье».

РАЗГОВОР ТРЕХ ДРУЗЕЙ

«Нет мне жизни: ревнива жена».

«Это что! А моя неверна».

«Ах, сеньоры, не вижу тут дива,
Вот моя — неверна и ревнива».

Рамон Руа Фигероа

? — 1874

*

• • •

Шепнул художнику собрат:
«В чем дело, не пойму причины:
Красивы все твои картины,
А дети черта устрашат».
Художник на вопрос нескромный
Ответил так: «Все дело в том,
Что я творю картины днем,
А ребятишек — ночью темной».

Хуан Мартинес Вильергас

1817 — 1894

*

* * *

Она с ребенком шла... Когда ж
Я произнес, смутясь немало:
«Ваш?» Мне красотка отвечала
Многозначительно: «И ваш».

* * *

Хоть Хиль разносторонне одарен,
В стихах всего удачливее он.
Я их читал. Из всех стихов на свете
Наибездарнейшие — эти.

*Рамон де Кампоамор-и-
Кампоосорио*

1817—1901

*

* * *

Ты думал, что умрешь от страсти пылкой.
А время шло. Здорово! Жив курилка!

* * *

Любил я эту деву прошлым летом.
Сто лет прошло, как я забыл об этом.

* * *

Соперников сражая наповал,
Я шпагою пишу вам мадригал.

* * *

Опять с любимой у меня разлад.
В тоске, ни с чем на свете не сравнимой,
Хочу бежать куда глаза глядят.
Куда ж они глядят? На дом любимой.

• • •

Жизнь — это вечно разинутый рот.
Закрыть его, без сомненья,
Бедному голод не дает,
Богатому — пресыщенье.

Вентура Руис Агилера

1820 — 1881

*

Однажды в ночь на воскресенье,
Уже оставив этот свет,
Мой всем завидовавший дед
В гробу очнулся на мгновенье.
Не грозной смерти торжество
В отчаянье повергло деда,
А то, что саван у соседа
Нарядней был, чем у него.

* * *

Есть где-то остров Простофиль...
Но где, ты толком сам не знаешь,
И экспедиции, дон Хиль,
Туда ты тщетно снаряжаешь.
Смотри, дон Хиль, не насмеши,
Будь осторожен в этом деле.
Отправься в глубь своей души,
Ты там скорей достигнешь цели.

Виктор Балагер

1 8 2 4 — 1 9 0 1

*

• • •

Не ставь при жизни памятник герою,
А лучше ставь, когда почил герой.
Не славь живого — ты убьешь живое.
Славь мертвого — он снова встанет в строй.

Ремигио Каула

1 8 2 8 — 1 9 0 6

*

• • •

Моряк Эрнесто обещал по чести
С Пакитою вступить в законный брак.
Но в Гондурас отправился моряк
И целый год не шлет вестей невесте.
Не зная, почему молчит жених,
Письмо ему отправила невеста:
«По крайней мере, дорогой Эрнесто,
Хоть сообщи, что нет тебя в живых».

Мануэль дель Паласио

1832 — 1906

*

• • •

У кого в пятнадцать лет
Друга истинного нет,
К двадцати — красоток томных,
К тридцати — долгов огромных,
Положенья — к сорока,
А к пятидесяти — денег,
Тот валяет дурака
И порядочный бездельник.

* * *

«Ты предо мной явилась, ангел мой,
Как роза, как румяная аврора.
Я от тебя не отрываю взора,
Навек ты мой нарушила покой.

Властительница грез моих, открой,
Ты кто? Уж не с небес ли ты, сеньора,
Сошла на землю ярче метеора?
Зефир играет ласково с тобой,

Вокруг тебя шебечут резво пташки,
Твоя улыбка, как апрель, светла,
И пьет нектар из уст твоих пчела,

И нежно льнут к твоим стопам ромашки.
Ты кто?» — «Сеньор, я прачка и пришла,
Чтоб вы мне уплатили за рубашки».

Хасинто Лабайла-и-Гонсалес

1833 — 1895

*

ЭПИТАФИЯ

Врач Эдуардо, рвенья полон,
Трудился с пониманьем дела;
Когда ж деревня опустела,
То и себя в могилу свел он.

Эусебио Бласко

1844—1903

*

• • •

Жена судье Сирило сообщила,
Что врач к нему пожаловал опять.
«Я нездоров,—ответствовал Сирило—
Скажи, что не могу его принять».

*Хоакин Мария Бартрина-и-де-
Айхемиус*

1850 — 1880

*

* * *

Узнать, откуда родом иностранец,
Несложно. Намотай себе на ус:
Кто перевозит Англию — британец,
Кто осуждает Пруссию — француз,
А кто бранит Испанию — испанец.

О СПОСОБАХ РАЗБОГАТЕТЬ

Увидел последний алхимик,
Что тратит напрасно свой пыл,
И, к черту отправив реторту,
Он первую биржу открыл.

Либорио Порсет

2-я половина XIX века

«Нет, ценить мы не умеем
То, чем издавна владеем,
А как только утеряем,
Сокрушаться начинаем».
Слыша это, дон Густаво
Произнес: «О боже правый!
Помоги ты мне, молю,
Оценить жену мою».

ЭПИТАФИЯ

Здесь почует в бозе брат Методий.
Сколь завиден был его удел:
Бедность проповедуя в приходе,
Он быстрее всех разбогател.

Антонио Мачадо-и-Руис

1875 — 1939

*

* * *

Пустившись в море, каждый знает,
Что в бурю будут все равно
Излишни весла, руль и якорь,
А также страх пойти на дно.

* * *

Мне снилось: я слышу бога.
«Вставай,— он кричит,— тревога!»
И снилось, что бог заснул,
А я кричу: «Караул!»

* * *

Ты не путай, приятель мой,
Ценность вещи с ее ценой.

* * *

**Мой стариковский вам совет таков:
Не слушайте советы стариков.**

Анонимные
эпиграммы

XIX*

начала XX

века

* * *

Ана просила всеильного бога,
Плача навзрыд и бия себя в грудь,
Чтобы создатель помог ей немного
Мужа наставить на истинный путь.
Волей небес через месяц иль два
Мужа ее поглотила могила.
«Боже, ты дал,— прошептала вдова,—
Более даже, чем прошено было».

* * *

Разведясь с женой, Хиль Триадом
Перешел немедля в протестанты,
Чтоб не видеть больше Виоланты
Ни на этом свете, ни на том.

* * *

Вступи-ка по расчету в брак
И сам узнаешь, что и как.

**НА ПЕРЕЗРЕЛУЮ НЕВЕСТУ
С КАПИТАЛОМ**

Для того чтоб Кларе нашей
Выйти замуж, надо все же
Лет на двадцать быть постарше
Иль на двадцать помоложе.

* * *

«Кто эта дама? Я в сомненье.
Она богата иль бедна,
И здесь имеет ли она
Какое-нибудь положенье?»
Ответ был краток: «Колоссальное
Богатство у нее, сеньор.
А положенье с неких пор
Почти всегда горизонтальное».

* * *

О возрасте Констансы говорят:
Ей двадцать вечером, а утром пятьдесят.

* * *

Ты красива, лгать не буду,
Ты богата, не секрет,
И невинна, спору нет.
Но когда об этом всюду
Ты кричишь до хрипоты,
То поверить трудновато,
Что красива, что богата
И что девственница ты.

* * *

Тебя, безумную девчонку,
За тень свою принять я мог:
Я за тобой — ты наутек,
Я от тебя — а ты вдогонку.

* * *

На Эстеллу статную взирая,
Слишком молчаливую сначала,
Я подумал: «Если бы такая
Женщина хоть что-нибудь сказала!»
Но когда она заговорила,
Статная красавица Эстелла,
Я подумал: «Хорошо бы было,
Если бы Эстелла онемела».

* * *

«Я опять,— вскричала Камила,—
Прикусила себе язык!»
«Это ложь,— заметил шутник.—
Кабы ты его прикусила,
Отравилась бы в тот же миг».

* * *

Вчера — с нами крестная сила! —
Варелу змея укусила.
Но все говорят, что Варела
Здоров. А змея околела.

* * *

Врач объявил: «Сомнений нет,—
Больной оставил этот свет.
Он явно мертв».— «Ах, врач, да нешто
Я мертв?» — пришел в себя больной.
А врач ему: «Молчи, невежда.
Не знаешь, так не спорь со мной».

* * *

Скупец (наслал же черт трахому
На левый глаз) побрел к врачу:
«Свой глаз я вылечить хочу».
Гален отвечал больному:
«Ну что ж, пятьсот дукатов с вас».
И крикнул тут скупец Галену:
«Пятьсот?! Да я за эту цену
Продам второй, здоровый, глаз!»

* * *

«Еда не во вред,— утверждает Хуан,—
Богатым, когда позволяет желудок,
А бедным, когда позволяет карман».

* * *

Пришел дон Педро к прачке за рубашкой,
А прачка вся в слезах: «Какая жалость!
Рубашка,— говорит, вздыхая тяжело,—
Рубашка-то, дон Педро, потерялась!»
Дон Педро крикнул: «Боже мой, Клемента!
Что слышу я? Пропала ты, бедняжка!
Лишилась ты последнего клиента:
Ведь у меня одна была рубашка».

* * *

Штаны дырявые дая,
Гильермо Бласу говорил:
«Любезный Блас, поверь, что я
Всего два раза их носил».
«Два раза?» — не поверил Блас.
«Клянусь! Вот скажет и сестра:
Семь лет носил их первый раз,
Второй раз — года полтора».

* * *

Скупой Томас (стряслось такое чудо)
Во сне калеке подал два эскудо.
Воспрянув ото сна, решил Томас
Отныне спать, сомкнув один лишь глаз.

* * *

Алькальд * оповестил народ:
«Поскольку в должность я вступаю,
Сегодня на казенный счет
Всех хоронить повелеваю».
«Да ну? — вскричал скупой Томас. —
Уж тут-то руки я погрею».
И, свив веревку, сей же час
Петлю надел себе на шею.

* * *

Слугу искал себе барон,
Весьма желая, чтобы он
Был вдов и ангельского нрава.
Пришел к нему лакей Рамон.
Барон сказал: «Ну что же, браво!
Коль подойдешь по всем статьям,
Я облачу тебя в ливрею.
Женат?» — «Женат, скрывать не смею.
Но ежели угодно вам,
Сеньор, я тотчас овдовею».

* * *

У нас, как в магазине,
Куда ни посмотри:
Все лучшее — в витрине,
Все худшее — внутри.

* * *

«В церковь пойти я хочу
Богу поставить свечу,
Чтобы дождями он щедро
Жаловал наши края».
«Землю вы пашете?» — «Я
Зонтичный мастер, дон Педро».

ЭПИТАФИЯ

Душа сего клеветника
Смутила даже силы ада...
Других подробностей не надо:
Он журналист наверняка.

* * *

«Как эта пьеса?» — «Пьеса ничего.
Но обрати внимание на длины:
Один бы акт я выбросил». — «Ах, что ты!
Она и состоит из одного».

* * *

Мой критик, надоевший всем глупец,
В моих стихотвореньях зачастую
Пытается найти строку плохую
И с радостью находит наконец.
А я его труды листаю снова,
Найти желая сносную строку.
Однако так себе и не могу
Доставить удовольствия такого.

* * *

Сатира критике под стать,
Но, как с собаками бывает,
Одна довольна тем, что лает,
Другой бы только всех кусать.

КОММЕНТАРИИ

XVI—XVIII ВЕКА

Кристобаль де Кастильехо

Поэт-сатирик. Родился в Саламанке. Воспитывался при дворе инфанта Фердинанда, брата Карла V, а после вступления Фердинанда на престол Венгрии и Богемии (1527) был его секретарем. Выступал в защиту национальных форм испанской поэзии, резко критикуя новую итальянскую метрику, за которую ратовала целая плеяда поэтов.

Диего Уртадо де Мендоса

Ученый, государственный и военный деятель, историк и писатель. Родился в Мадриде. Учился в университетах Гранады и Саламанки. Выполнял ряд важных дипломатических поручений Карла V. Его

книга «Гранадская война», о восстании морисков против Филиппа II, считается образцовым прозаическим произведением XVI века.

Бальтасар дель Алькасар

Поэт. Родился в Севилье, там же получил образование. Служил в испанском военном флоте, затем занимал крупные государственные посты. Как поэт проявил себя главным образом в сатирических жанрах.

Франсиско де ла Торре

Поэт. Родился в Торрелагуне (провинция Мадрид). Учился в университете в Алькала. Воевал в Италии. В конце жизни стал священником. В 1631 году Кеведо купил рукопись его стихов у букиниста и издал. Литературоведы выдвигали гипотезу, что автором изданной книги является сам Кеведо.

Хуан Руфо Гутьеррес

Писатель. Сын красильщика. Родился в Кордове. Участвовал в битве при Лепанто (1571), где объединенные силы Венеции,

Папской области и Испании под предводительством Хуана Австрийского наголову разбили турецкий флот. Будучи историографом Хуана Австрийского, посвятил ему эпическую поэму «Австриада» (1584). Известен также как автор сборника «600 афоризмов».

Хуан Салинас де Кастро

Поэт. Родился в Севилье. Некоторое время жил в Италии. Был священником. Получив в наследство от отца крупное состояние, отказался от духовной карьеры и полностью посвятил себя литературе.

Луис де Гонгора-и-Арготе

Великий поэт. Сын известного в свое время гуманиста Франсиско де Арготе. Родился в Кордове. Изучал право в Саламанке. В 1585 году принял духовный сан. Был каноником в городском соборе Кордовы, затем капелланом Филиппа III. Создал новое литературное направление, называемое «гонгоризмом», или «культеранизмом»,

и отличающееся очень сложной системой выражения мысли. Стихи Гонгоры сыграли огромную роль в развитии всей испанской поэзии.

Бартоломе Леонардо де Архенсола

Историк, поэт и философ. Родился в Барбастро (провинция Уэска). В Сарагосе изучал античную историю и древнегреческий язык. В 1613 году получил должность историографа Арагонского королевства. В поэзии был противником гонгоризма.

Дидона — героиня поэмы Вергилия «Энеида», сестра тирского царя Пигмалиона; бежала от своего первого мужа в Африку, где влюбилась в Энея, который после долгих странствий остановился в Карфагене по пути в Италию. Отъезд Энея явился причиной смерти Дидоны.

Лопе Феликс де Вега Карнио

Великий драматург и поэт. Сын ремесленника-вышивальщика, выходца из астурийских крестьян. Родился в Мадриде. Не закончив курса учения в Алькала, занялся литературной деятельностью.

В 1588 году завербовался во флот и участвовал в походе Непобедимой Армады. В 1614 году стал священником. Писатель необыкновенно плодовитый. По свидетельству современников, создал более двух тысяч пьес. С немалым успехом выступал в других литературных жанрах. Сервантес назвал его «чудом природы».

Франсиско Пачеко

Художник, поэт и искусствовед. Родился в Санлукар-де-Баррамеда (провинция Кадис). Учитель знаменитого Веласкеса. Прославился своим трактатом «Искусство живописи». Дом Пачеко называли «Академией образованнейших людей Севильи». Его посещали Сервантес, Лопе де Вега, Педро де Эспиноса и другие крупные писатели и ученые.

Тирсо де Молина

Псевдоним знаменитого драматурга Габриэля Тельеса. Родился в Мадриде. Учился в Алькала. В 1601 году принял духовный сан и долгое время состоял в ордене Милосердия. Намеки на политических

деятелей того времени в его комедиях, а также колкости в адрес гонгористов доставили писателю много неприятностей. Кастильский суд запретил ему, как монаху, писать для театра. Тирсо де Молина — первый создатель на мировой сцене образа Дон-Жуана (пьеса «Севильский обольститель»). Лопе де Вега считал его самым искусным и разносторонним испанским драматургом.

*Хуан де Тассис-и-Перальта
де Вильямедиана*

Поэт. Родился в Лиссабоне. Граф. Воспитывался при испанском дворе. Учился в Толедском университете. За сатирические стихи на временщиков Филиппа III был выслан из Мадрида. В 1622 году, заподозренный в любовной связи с молодой королевой Исабеллой Бурбонской, погиб от рук наемных убийц, подосланных королем.

Альвасил — судебный исполнитель или полицейский.

Родриго Кальдерон — маркиз де Сиете Иглесиас. Фаворит Филиппа III. Достиг крупнейших государственных должностей, но был уличен в злоупотреблениях властью и в 1621 году казнен по приказу короля.

*Франсиско Гомес
де Кеведо-и-Вильегас*

Крупнейший сатирик, поэт и романист. Родился в Мадриде, в аристократической семье. Получил образование в иезуитской коллегии; с 1596 по 1600 год изучал в Алькала древние языки и философию. Рано лишился родителей. Его жизнь на родине и в Италии, куда он бежал после дуэли с одним из придворных, была полна приключений. Обладая большой эрудицией, Кеведо успешно выступал во всех литературных жанрах, особенно в сатирическом, критикуя пришедший в упадок феодальный строй Испании. В 1639 году был заточен в монастырь за памфлет на герцога Оливареса, первого министра и фаворита Филиппа IV.

Орфей — в древнегреческой мифологии фракийский певец. После смерти жены Эвридики Орфей спустился в Аид — подземное царство теней, покорила его обитателей своим необыкновенным голосом и добился от Плутона, властелина этого царства, разрешения вернуть Эвридику на землю при условии, что до выхода из Аида ни разу на нее не оглянется. Орфей не выдержал этого испытания.

*Алонсо Херонимо де Салас
Барбадильо*

Поэт, драматург и прозаик, известный автор плутовских романов. Родился в Мадриде. Жил в крайней бедности. Привлекался к суду за сатиры на альгвасилов и за попытки утаить свои памфлеты от цензуры инквизиции. Был другом Сервантеса.

*Франсиско де Борха-и-Асеведо
де Эскилаче*

Известный поэт. Родился в Мадриде. Князь. Был камергером Филиппа IV и кавалером ордена Золотого руна. С 1615 по 1621 год занимал пост вице-короля Перу. Один из немногих поэтов своего времени, избежавших влияния гонгоризма.

Габриэль дель Корраль

Поэт-сатирик. Родился в Вальядолиде. Был доктором общего и канонического права и священником. Большинство его сатирических произведений опубликовано в сборнике «Наука лжесудьи».

Мигель Морено

Эпиграмматист и романист. Родился в Вильякастине (провинция Сеговия). Был секретарем Филиппа IV. Двести его эпиграмм собраны в отдельный сборник под заглавием «Цветы Испании» и впервые напечатаны в Риме через восемьдесят лет после смерти автора.

Альваро Кубильо де Арагон

Комедиограф и поэт. Родился в Гранаде, там же учился в университете. Много занимался литературным трудом. Жил в нужде. В 1641 году поступил на государственную службу в Мадриде. Кроме многочисленных комедий, писал стихи на случай.

Педро де Кирос

Поэт. Родился в Севилье. В 1624 году стал священником. Впервые его произведения были опубликованы в 1887 году с предисловием крупного испанского литературоведа Менендеса-и-Пелайо.

Бернардино де Ребольедо

Известный поэт и государственный деятель. Родился в Леоне. Принадлежал к древнему кастильскому роду. За участие в Тридцатилетней войне (1618—1648) получил графский титул. В течение многих лет был посланником в Дании, а с 1662 года занимал крупные государственные посты у себя на родине.

Педро Кальдерон де ла Барка

Великий драматург и поэт. Родился в Мадриде, в старинной, но обедневшей дворянской семье. Учился в Алькала и Саламанке. Служил в армии простым солдатом. В 1637 году вступил в духовно-рыцарский орден Сант-Яго. В 1651 году стал священником. Пользовался большим успехом при дворе Филиппа IV. Пьесы Кальдерона до настоящего времени не сходят с мировой сцены.

Сальвадор Хасинто Поло де Медина

Поэт. Родился в Мурсии. Избрал духовную карьеру. Был почитателем Сервантеса, Кеведо и Гонгоры. Свой поэтический талант проявил преимущественно в коротких стихотворениях.

Антонио де Солис-и-Риваденейра

Драматург, поэт и историк. Родился в Алькала, в знатной семье. Учился в университетах Алькала и Саламанки. Был секретарем вице-короля Валенсии графа Оропесы и занимал пост историографа Индий (американских владений Испании). В пятьдесят семь лет принял духовное звание. Наибольшей известностью пользовались его драматические произведения и книга «История завоевания Мексики».

Агустин Морето-и-Кабанья

Поэт и драматург. Один из последних блестящих представителей испанской ренессансной драмы. Родился в Мадриде, в семье старьевщика. Окончив университет в Алькала, получил степень лиценциата искусств (1639). Служил в испанской армии во Фландрии. Кальдерон обратил внимание на молодого писателя и ввел его в литературные круги Мадрида. Друзьями Морето были также Лопе де Вега и Тирсо де Молина. В 1657 году принял духовный сан и отказался от литературной деятельности.

Хуан де Приарте

Эрудит, знаток античности, поэт. Член Испанской академии и Академии изящных искусств в Сан-Фернандо. Родился на Канарских островах. Образование получил в знаменитом парижском коллеже Людовика Великого, где одним из учителей был Вольтер. По возвращении в Испанию стал наставником сыновей герцогов Альбы и Бехара, а затем воспитывал инфанта дона Мануэля Португальского. Позднее занимал пост переводчика в канцелярии внешних сношений; с 1729 года служил в королевской библиотеке. Подготовил к изданию большой латино-испанский словарь. Переводил испанские эпиграммы на латинский язык, латинские и французские — на испанский.

Немрод — по Ветхому завету, первый царь Вавилонии, прозванный за страсть к охоте «ловцом пред господом».

О просвещенной монархии и короле Альфонсе Мудром.— Учению Платона о том, что благосостояние государства зависит от просвещенности его главы, автор противопоставляет пример сведущего в

науках короля Кастилии и Леона Альфонса X Мудрого (1221—1284), чье тридцатилетнее правление ознаменовалось тяжелыми смутами.

Святой Бруно (1030—1101) — монах. Родился в Кельне. Основал в 1084 году Картезианский монашеский орден, устав которого отличался исключительной строгостью. Члены этого ордена шесть дней в неделю должны были соблюдать обет молчания.

Страстная пятница — по христианскому верованию, день смерти Христа. В Испании его отмечают всеобщим трауром, причем колокола, по традиции, молчат.

Николас Фернандес де Моратин

Видный поэт и драматург. Потомок старинного бискайского рода. Родился в Мадриде. Изучал право, преподавал риторику. Пытался возродить испанскую драму на модной в то время теоретической основе французского классицизма. Однако большего успеха достиг в лирической поэзии, первым преодолев традиции гонгоризма. Был основателем литературной кофейни в Мадриде, в которой собирались любители театра, боя быков и поэзии.

Хосе Кададьсо-и-Васкес

Поэт-просветитель. Родился в Кадисе. Принадлежал к знатному бискайскому роду. Воспитывался в Париже. Владел классическими языками, а также французским, немецким, итальянским и английским. Посещал литературный кружок Николаса де Моратин. Кададьсо возродил в испанской литературе анакреонтическую поэзию. Известен также своими сатирами. Погиб в чине полковника при осаде испанцами крепости Гибралтар, захваченной англичанами в 1704 году.

Даная — в древнегреческой мифологии дочь аргосского царя Акрисия. Когда оракул предсказал царю, что у Данаи родится сын, который явится виновником его смерти, Акрисий, желая избежать этой участи, заточил дочь в медный терем. Но Зевс проник к Данае, превратившись в золотой дождь, соблазнил ее, и от их союза родился Персей, который впоследствии стал непреднамеренным убийцей своего деда.

Гаспар Мельчор де Ховельянос

Выдающийся политический деятель, экономист, философ, поэт, драматург и историк. Родился в Хихоне (провинция

Овиедо), в знатной семье. Получил блестящее образование. Был членом нескольких академий. Выражая взгляды передовых слоев буржуазии, выступал за политическое и социальное обновление Испании. Входил в правительство, в 1797 году занимал пост министра юстиции. Некоторое время был послом в России. Карл IV дважды лишал его министерского портфеля, а в 1801 году заточил на семь лет в крепость на острове Мальорка. В последние годы жизни Ховельянос принимал активное участие в освободительной войне Испании против вторгшейся в страну наполеоновской армии (1808—1814). Будучи одним из лучших прозаиков XVIII века, он явился также зачинателем философской поэзии.

Феликс Мария Саманьего

Поэт и баснописец. Родился в Лагуардиа (провинция Алава). Два года изучал право в Вальядолиде. Был одним из самых деятельных членов «Баскского общества», созданного с просветительской целью в середине 60-х годов XVIII века. Басни начал писать для использования их в школе в качестве учебного материала. Вскоре его имя как баснописца стало известно по

всей Испании. За вольнодумство подвергался гонениям со стороны инквизиции и даже был на некоторое время заточен в кармелитский монастырь недалеко от Бильбао. Перед смертью Саманьего сжег все свои труды, кроме ста семидесяти пяти басен.

Хосе Иглесиас де ла Каса

Поэт. Родился, получил образование и почти всю жизнь провел в Саламанке, где был приходским священником. В литературе принадлежал к так называемой саламанкской школе, которая под влиянием Ховельяноса эволюционировала от классических канонов (буколики, эклоги и т. д.) в сторону моралистической и философской поэзии. Стихи Иглесиаса впервые были опубликованы через два года после его смерти. Второе издание запретила инквизиция. Лучшее в его поэтическом наследии — сатирические стихи.

Томас де Приарте

Поэт, баснописец, драматург и переводчик. Родился на Канарских островах. Образование получил в Мадриде под на-

блюдением своего дяди Хуана де Ириарте. В дальнейшем занял его место переводчика в канцелярии внешних сношений. Служил также старшим архивариусом в Высшем военном совете. В 1786 году привлёкся к суду инквизиции, как сторонник идей французских просветителей. Автор известного трактата по эстетике «Литературные басни» (1782).

Хуан Пабло Форнер

Юрист, поэт, драматург и критик. Родился в Мериде (провинция Бадахос). Будучи ещё студентом университета в Саламанке, получил премию Испанской академии за «Сатиру на злоупотребления в испанской поэзии». В 1796 году стал прокурором в Совете Кастилии. Как литературный критик, оставаясь сторонником философии просвещения, защищал непреходящие ценности испанской культуры от нападок зарубежных и отечественных классицистов, по адресу которых высказывался настолько резко, что в 1785 году было принято специальное постановление, запрещавшее ему выступать в печати без особого королевского разрешения.

Иов — библейский персонаж. Бог, решив испытать его верность, дал возможность сатане лишить Иова всех богатств, наслать на него проказу и отнять жизнь у его детей.

Леон де Арроаль

Поэт и переводчик. Родился в семье адвоката. Получил высшее образование. Входил в узкий кружок мадридских литераторов, которые собирались в кельях двух монахов, любителей поэзии. В 1784 году выпустил две книги: «Оды», написанные в необычном для этого жанра сатирическом духе, и «Эпиграммы».

Гален Клавдий — знаменитый древнегреческий врач II века н. э., лечивший римских императоров и написавший ряд научных трудов. В Испании это имя стало нарицательным для врачей, как в России эскулап (по имени древнегреческого бога врачевания Асклепия).

Веспасиан Тит Флавий (39—81 гг. н. э.) — римский император с 79 по 81 год. Гай Светоний Транквилл в своей книге «Жизнь двенадцати цезарей» приводит слова Тита, которые он произнес однажды, вспомнив, что за целый день не

совершил ни одного доброго дела: «Друзья, я потерял день!» Фраза эта стала знаменитой.

Франсиско Грегорио де Салас

Поэт. Родился в Хачайсехо (провинция Касерес). Учился в Саламанке. Был избран почетным членом Академии изящных искусств. Пользовался покровительством Года, королевского фаворита и фактического правителя Испании. В 1808 году после его низвержения бежал из Мадрида. Служил священником. Сочинял короткие стихотворения, оды и басни.

Королевский лик.— Имеются в виду монеты с изображением короля.

Хуан Франсиско дель Плано

Драматург, поэт и журналист. Родился в Сарагосе. В 1797 году основал газету «Диарио де Сарагоса». Вскоре за крамольные идеи и связи с французскими революционными кругами был сослан в Вальядолид. В 1800 году амнистирован. Стихи Франсиско дель Плано, рассеянные в разных периодических изданиях, были собраны в 1880 году в отдельный сборник.

Леандро Фернандес де Моратин

Драматург и поэт. Один из наиболее талантливых представителей классицизма. Сын поэта Николаса Фернандеса де Моратин. Родился в Мадриде. В девятнадцать лет получил поэтическую премию Испанской академии за романс «Взятие Гранады». Истинным призванием Моратина был театр. Он впервые перевел на испанский язык «Гамлета», переводил также Мольера. После вступления в страну наполеоновских войск сотрудничал с французскими властями. Когда Испания вновь обрела независимость, вынужден был эмигрировать за границу. «Испанский Мольер», как его называли на родине, умер в Париже и был похоронен рядом с тем, кому он был обязан своим почетным именем.

Хосе Марчена Руис де Куэто

Журналист, поэт и политический деятель. Родился в Утрере (провинция Севилья). Был священником. Преследуемый инквизицией за свои вольтеррианские убеждения, снял с себя духовный сан и бежал в революционную Францию, где стал соратником Марата. По возвращении на родину оказался в застенках инквизиции,

откуда его вызволил французский генерал Мюрат, секретарем которого он был. После поражения испанской революции 1820—1823 годов вынужден был снова на несколько лет покинуть свою страну. Умер в крайней бедности.

Монсин Луис — актер и третьестепенный испанский драматург второй половины XVIII века.

Комелья Лусиано Франсиско (1716—1779) — автор более ста посредственных пьес. Неудачно пытался «европеизировать» испанскую драму.

Уркихо Мариано Луис, де (1768—1817) — испанский политический деятель и писатель.

Х I X — НА Ч А Л О Х Х В Е К А

Альберто Листа-и-Арагон

Поэт, критик и педагог. Родился в Севилье. Образованнейший человек своего времени. Уже в двадцать лет получил звание профессора математики, истории и литературы. Выпустил в свет «Лекции по драматургии» и «Очерки по литературе и критике». Известен прежде всего как поэт.

Шабло де Герика

Поэт. Борец против абсолютной монархии. Родился в Витории (провинция Алава). Отказавшись от карьеры коммерсанта, которую ему прочили родители, с головой окунулся в политику. В 1814 году Фердинанд VII приговорил его к десяти годам заточения, но поэту удалось бежать во Францию. Когда началась испанская революция 1820—1823 годов, возвратился на родину. После восстановления в стране феодально-абсолютистского режима (1823) снова эмигрировал во Францию и остался там до конца жизни.

Публий Вергилий Марон (70—19 гг. до н. э.) — древнеримский поэт. Последние десять лет своей жизни работал над большой эпической поэмой «Энеида», которую считал недостаточно совершенной и в завещании просил сжечь.

Хосе Сомоса-и-Муньос

Писатель. Родился в Пьедраите (провинция Авила). Принадлежал к саламанкской школе. Друг художника Гойи и Ховельяноса, под влиянием которого в своем

творчестве отдал дань преромантическим веяниям. В молодости много путешествовал по Испании. Принимал участие в борьбе испанского народа против наполеоновских оккупантов (1808—1814). С водворением в стране феодально-клерикальной реакции (1814) был брошен в тюрьму. После установления конституционной монархии (1834) дважды избирался в кортесы. Духовные власти не разрешили похоронить его на общем кладбище.

Хосе Хоакин де Мора

Поэт, журналист и критик. Родился в Кадисе. Преподавал логику в Гранадской коллегии. Сформировавшись как писатель-классицист, впоследствии примкнул к романтикам. Боролся против наполеоновских оккупантов. Известен своими либеральными взглядами. После поражения испанской революции 1820—1823 годов вынужден был покинуть родину и перебраться в Южную Америку, где занимался общественной деятельностью и популяризацией науки. В 1839 году вернулся в Испанию. Впоследствии в течение многих лет занимал пост испанского консула в Лондоне.

Франсиско Мартинес де ла Роса

Поэт, драматург и историк. Предтеча испанского романтизма. Видный политический деятель. Родился в Гранаде, там же окончил университет и возглавлял кафедру философии. Принимал активное участие в борьбе с наполеоновской армией. В 1814 году был сослан королем Фердинандом VII в Африку. Потом жил во Франции. Возвратившись на родину, примкнул к правому крылу партии либералов и занимал крупные государственные посты вплоть до премьер-министра. Много лет был секретарем Испанской академии. В литературоведческих работах пытался увязать классицизм XVIII века с новыми романтическими веяниями.

Мануэль Бретон де лос Эррерос

Крупный комедиограф, поэт и журналист. Родился в Келе (провинция Логроньо). Учился в Мадриде. Рано осиротел. Во время борьбы против наполеоновских войск ушел добровольцем в солдаты. Был редактором различных периодических изданий. С 1837 года — член Испанской академии. Исполнял также должность дирек-

тора Национального издательства. Кроме пьес, писал эпиграммы, сатиры, послания, романсы, а также переводил французских авторов.

Венеслао Айгуальс де Иско

Писатель и издатель. Родился в Винаросе (провинция Кастильон). За свои либеральные взгляды был в ссылке. Затем несколько раз избирался депутатом в кортесы. Основал в Мадриде крупное издательское предприятие «Сосьедад литерариа», в котором выпустил серию собственных романов на социальные и политические темы.

Рамон де Месонеро Романос

Писатель. Родился в Мадриде. В отличие от большинства испанских литераторов того времени, старался держаться в стороне от политической и литературной борьбы, занимаясь до 1833 года торговлей. Будучи хорошо знакомым с жизнью Мадрида, являлся одним из наиболее ярких его бытописателей. В 1847 году был принят в Испанскую академию.

Хуан Эухенио Артсенбуч

Ученый, издатель, критик, поэт и драматург. Родился в Мадриде, в семье столбра-краснодеревца, выходца из Германии. Из-за стесненного материального положения вынужден был прервать учение в иезуитской коллегии Сан-Исидро. Много занимался самостоятельно и стал образованнейшим человеком своего времени. В 1847 году был избран членом Испанской академии, в 1854 году назначен директором Высшей нормальной школы, с 1862 года заведовал Национальной библиотекой в Мадриде. Важную роль сыграл в пропаганде и издании классиков испанской литературы XVI—XVII веков.

Хайме Луциано Бальмес

Крупный философ, теолог и журналист. Родился в Виче (провинция Валенсия). В университете Серберы изучал богословие и право. Был священником. Писал главным образом на религиозные темы. Состоял членом Испанской академии. Был ревностным поборником монархии.

Хосе Бернат-и-Бальдови

Инженер, юрист и писатель. Родился в Суэке (провинция Валенсия). Там же в университете изучал право. За сатирические стихи был прозван «Валенсийским Кеведо».

Никомедес Пастор Диас

Поэт и журналист, искусный оратор и критик, политический деятель. Родился в Виверо (провинция Луго). За острые политические статьи сидел в тюрьме. Находясь в правительстве, сменил несколько министерских портфелей. В политике придерживался умеренного направления. С 1847 года — член Испанской академии и Академии общественно-политических наук.

Мигель Агустин Принсипе-и-Видауд

Поэт, журналист и драматург. Родился в Каспе (провинция Сарагоса). Был адвокатом. Преподавал также литературу в Сарагосском университете и служил в Национальной библиотеке в Мадриде. На-

стоящее призвание нашел в журналистике. Написал около ста пятидесяти басен и около ста эпиграмм.

Антонио Рибот-и-Фонтсере

Врач, политический деятель, поэт и драматург. Родился в Виче. За либеральные взгляды неоднократно подвергался преследованиям. В 1837 году был сослан на Кубу. Через четыре года вернулся в Испанию. Поселившись в Мадриде, занимался литературной и общественно-политической деятельностью.

Рамон Руа Фигероа

Инженер, автор ряда трудов по горнорудному делу.

Хуан Мартинес Вильергас

Поэт-сатирик, журналист, критик, драматург и романист. Родился в Вальядолиде. Много лет прожил на Кубе. Основал несколько периодических изданий. Совместно с Айгуальсом де Иско и Риботом-и-Фонтсере составил «Сборник народных песен» и книгу «Политики без грима».

В 1842 году выпустил в свет сборник «Юмористические и сатирические стихотворения».

*Рамон
де Кампоамор-и-Кампоосорио*

Поэт, драматург и политический деятель. Родился в Навии (провинция Астурия). С 1856 года был губернатором Аликанте и Валенсии, затем депутатом кортесов. Член Испанской академии. Автор известного теоретического труда «Поэтика». Изобрел новую поэтическую форму, так называемую «долору» (от испанского dolor — боль, скорбь), стихотворение из двух, трех или четырех строк, передающее мимолетное душевное состояние. Для долоры характерно сочетание юмора и трагизма.

Вентура Руйс Агилера

Поэт и журналист. Родился и начал медицинскую карьеру в Саламанке. Затем переехал в Мадрид, где сотрудничал в периодических изданиях и занимал пост директора Археологического музея. Его патристические стихи и элегии на смерть дочери пользовались известностью.

Виктор Балагер

Поэт, историк, драматург и политический деятель. Видный представитель «Каталонского литературного возрождения», связанного с подъемом каталонской культуры в XIX веке — после более чем трехсотлетнего застоя. Родился в Барселоне. Начал печататься с четырнадцати лет. Сотрудничал в различных периодических изданиях. Принимал участие в революции 1854 года. С возрастом все более правел. Двенадцать раз избирался в кортесы депутатом от Каталонии. Неоднократно занимал министерские посты в правительстве.

Ремигио Каула

Поэт и журналист. Родился в Сантьяго (провинция Ла-Корунья). Сотрудничал в ряде журналов. В 1885 году выпустил поэтический сборник «Испанские мелодии». Писал также для театра. Его эпиграммы, рассеянные по разным периодическим изданиям, до сих пор не собраны в одну книгу.

Мануэль дель Паласио

Поэт-сатирик, журналист и драматург. Родился в Лериде. В 1867 году за антимо-нархические памфлеты и сатиры был сослан в Пуэрто-Рико. После сентябрьской революции 1868 года, которая завершилась изгнанием из Испании Исабеллы II и принятием буржуазно-демократической конституции, вернулся на родину и занимал крупные дипломатические посты. Впоследствии стал консерватором. С 1892 года член Испанской академии.

Хасинто Лабайла-и-Гонсалес

Писатель. Родился в Валенсии. Изучал право, но затем полностью посвятил себя литературе. Был одним из пионеров так называемого «Валенсийского возрождения», которое развивалось в рамках «Каталонского литературного возрождения». Оставил ряд работ на валенсийском наречии. Основные поэтические произведения писал на испанском языке.

Карлос Фронтаура-и-Васкес

Поэт, романист, драматург и журналист. Родился в Мадриде. Еще юношей стал сотрудничать в прессе. Основал ряд газет. Самая известная из них — сатирический еженедельник «Каскабель», которая с 1863 по 1875 год считалась лучшей сатирической газетой Испании. В 1867 году опубликовал книгу стихов «Народные романсы».

Эусебио Бласко

Комедиограф, поэт и журналист. Родился в Сарагосе. Оставил карьеру архитектора и занялся литературным трудом. Создал в Испании театр-буфф. Как противник монархического режима вынужден был в 1866 году эмигрировать в Париж, где прожил до победы на родине сентябрьской революции 1868 года.

Хоакин Мария Бартрина-и-де-Айхемус

Поэт. Один из видных представителей «Каталонского литературного возрождения». Родился в Реусе (провинция Таррагона), в семье торговца. Сотрудничал во

многих периодических изданиях. В Реусе руководил любительским театром. По своим убеждениям был атеистом.

Либорио Порсет

Поэт. В 1879 году выпустил в свет сборник эпиграмм. Сотрудничал в известном юмористическом журнале «Мадрид комико».

Антонио Мачадо-и-Руис

Один из самых прославленных поэтов первой половины XX века. Родился в Севилье. Отец его, А. Мачадо Альварес, был крупным испанским фольклористом и писателем. Будущий поэт учился в мадридском «Свободном институте просвещения», преподаватели которого отличались передовыми взглядами. Получив диплом, преподавал французский язык. Большую часть своей жизни провел в Кастилии, народный дух которой проникновенно передал в стихах. В 1927 году стал членом Испанской академии. Его первая книга «Томления» вышла в 1903 году. Во время национально-революционной войны (1936—1939)

боролся против фашизма, а после падения Испанской республики, больной и немощный, пересек границу Франции, встретив свой смертный час на чужбине. Мачадо оказал сильное влияние на последующее развитие испанской поэзии.

А Н О Н И М Н Ы Е Э П И Г Р А М М Ы
XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

Алькальд — глава муниципалитета или староста.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Е. Эткинд. Сила эпиграммы 5

ХVI—ХVIII ВЕКА

Кристобаль де Кастильехо

Сеньору, приславшему мне пло-
хие стихи 33

Диего Уртадо де Мендоса

На Венеру 34

Бальгасар дель Алькасар

«Твои, Хуанита, очи...» 37

Франсиско де ла Торре

«Всех живых за то клянут...» . . .	38
«Ты на посулы щедрым был...» . . .	39
«Когда судью задобрить нечем...»	40
«Коль твой карман, как прежде, пуст...»	41

Хуан Руфо Гутьеррес

Куртизанке	42
----------------------	----

Хуан Салинас де Кастро

На восковое изображение Христа	43
«Увидев солдат наступающий строй...»	44

Луис де Гонгора-и-Арготе

На нимфу Дантею	47
«Приор, в сутане прея, делал вид...»	48

Бартоломе Леонардо де Архенсола

«Франсиско, зная, что беда...» . . .	49
«Инес, красой своей мужчин...»	50
На легендарную основательницу Карфагена Дидону	51

Лопе Феликс де Вега Карпио

«Уж как я тебя люблю...»	52
Эпитафия астрологу	53

Франсиско Пачеко

«Художник петуха намалевал...»	54
--------------------------------	----

Тирсо де Молина

«Когда любовь — не праздная игра...»	57
«Замечено, что женщина всего...»	58
«Как-то раз палач с учеником...»	59
«Жил да был король. При нем...»	60

Хуан де Тассис-и-Перальта де Вильямедиана

На чету необыкновенно безобраз- ных графа Саласара и донью Марию Ласо де Кастилья . .	63
Придворному альгвасилу дону Пед- ро Верхелю	64
Эпитафия Родриго Кальдерону . .	65

**Франсиско Гомес
де Кеведо-и-Вильегас**

«Все уверяют, что Элой...» . . .	66
На Орфея	67
«Ах, красавица, сердцем моим...»	68
Эпитафия	69
Новоявленный святой	70
«Ты знатен, ты в высоком чине...»	71

**Алонсо Херонимо де Салас
Барбадильо**

«Ты судился круглый год...» . .	72
«Сеньор, без всякого стеснения...»	73

**Франсиско де Борха-и-Асеведо
де Эскилаче**

«Не разобравшись, восхваляешь...»	74
«Когда, одну хулу любя...» . . .	75

Габриэль дель Корраль

Литературному вору	76
------------------------------	----

Мигель Морено

«Алонсо выдал твой секрет...» . . .	77
«Завистников чрезмерно много...»	78
«Дабы на слуг ты положиться мог...»	79

Альваро Кубильо де Арагон

«Однажды вор у горбуна...» . . .	80
----------------------------------	----

Педро де Кирос

«Пушисты у Пакиты косы...» . . .	83
----------------------------------	----

Бернардино де Ребольедо

«Ана, будь умней немного...» . . .	84
«У доньи Клары грустный вид...»	85
«Я в церкви спросил у возлюблен- ной...»	86
На трусливого врача	87
«Ты, брат, охотник до похвал...»	88

Педро Кальдерон де ла Барка

«Придворный угощал посла...» . .	89
«Нельзя столь несчастливым стать...»	90
«Гнусавый Пабло в плен попал...»	91

«Я слышал, что, когда однажды...»	92
«Латал подмастерье жилет...» . . .	93
«В лохмотьях, голодом томим...»	94

Сальвадор Хасинто Поло де Медина

Эпитафия пропойце	95
-----------------------------	----

Антонио де Солис-и-Риваденеяра

Некоей сеньоре, посылая ей кувшин со святой водой	96
---	----

Агустин Морето-и-Кабанья

«На дуэль (не редкость в наши дни)...»	97
--	----

Хуан де Ириарте

«Геркулес с быком ввязался в бой...»	98
На основателя Вавилонского царства Немврода, в юности «ловца пред господом»	101
О просвещенной монархии и короле Альфонсе Мудром	102
Эпитафия Копернику	103
На превосходную статую святого Бруно	104

В страстную пятницу	105
«Ни об одном живом поэте...» . . .	106
«Взошел Сельвино...»	107
Эпитафия пропойце	108
«Добиться развода с женою и вскоре...»	109
На цирюльника	110
О земледельце и цирюльнике . . .	111
«Ты у сильных мира просишь ма- ло...»	112
На английское произношение . . .	113

Николас Фернандес де Моратин

«Поведал португалец как о чу- де...»	114
---	-----

Хосе Кадальсо-и-Васкес

Эпитафия умершему от неразде- ленной любви	115
«Золотым дождем в свой час...» . .	116

Гаспар Мельчор де Ховельянос

«Услышав речь знакомого по- эта...»	117
На адвоката с луженой глоткой . .	118

Феликс Мария Саманьего

На Томаса де Ириарте	119
«Франсиско каялся в грехах...» . .	120

Хосе Иглесиас де ла Каса

«Когда меня ты оставляешь ча- сто...»	122
«Один хирург благочестивый...» .	125
«Меня Камила ножкой пнула лов- ко...»	126
«Мне мой должник, известный плут...»	127

Томас де Ириарте

Рецепт знахаря	128
«О, если вас остервенело...» . . .	129
«Один писатель говорит...» . . .	130

Хуан Пабло Форнер

Эпитафия монаху	131
«Когда я беден был и наг...» . .	132
«К посредственным поэтам строг...»	133
На новый испанский перевод Кни- ги Иова	134

Леон де Арроаль

«Нам ножки показать желая...»	135
Когда жениться?	136
На себя самого	137
«Как рекрутчиной пугнули...» . .	138
«Когда я сильным парнем был...»	139
Равняясь на императора Веспасиана	140
О королях	141

Франсиско Грегорио де Салас

Исповедь молодой женщины . . .	142
На страстного охотника, но неверного мужа	143
Пушки	144
Эпитафия на случай моей смерти	145

Хуан Франсиско дель ПIANO

Нетерпеливому	146
-------------------------	-----

Леандро Фернандес де Моратин

На цензора	147
«Пока Рамон бранит мой труд...»	148
«Сей борзописец всякий сброд...»	149

Хосе Марчена Руис де Куэто

- На испанский перевод трагедии
Вольтера «Смерть Цезаря» . . . 150

**АНОНИМНЫЕ ЭПИГРАММЫ
XVI—XVIII ВЕКОВ**

- На завоевание маврами Пиреней-
ского полуострова 153
«Ах, неприступная прелестница...» 154
«Мне снилось: навечно...» 155
Эпитафия португальскому дворя-
нину 156
«Сей сеньор на днях открыл...» . . . 157
«А говорил о сем святой Ки-
рилл?..» 158
Христу 159
«Если я, великий боже...» 160

XIX — НАЧАЛО XX ВЕКА

Альберто Листа-и-Арагон

- «Как! С первого прикосновенья...» 163

Пабло де Герика

Дележ	164
Спотворное	165
На переводчика поэмы Публия Вергилия Марона «Энеида»	166
«Сеньоры, тише там нельзя ли?..»	167
На бискайского священника . . .	168
На сеньору, неаккуратно посещав- шую церковь	171

Хосе Сомоса-и-Муньос

На пострижение Хуаны	172
--------------------------------	-----

Хосе Хоакин де Мора

«На Анисето погляди!..»	173
«Жарой и жаждой изнурен...» . . .	174

Франсиско Мартинес де ла Роса

Встреча с амуром	175
Кладбище уродов	176

Мануэль Бретон де лос Эррерос

«Гордый сознанием, что с музой ты дружен...»	182
«Плачевным он слывет поэтом...»	183

Венеслао Айгуальс де Иско
«Не сомневаюсь я в одном...» . . . 184

Рамон де Месонеро Романос
«Коль хочешь ты попасть, Родри-
го, в рай...» 185

Хуан Эухенио Артсенбуч
На смерть рассеянного человека . . . 186

Хайме Лусиано Бальмес
«Лежащий в гробу ростовщик...» . . . 187

Хосе Бернат-и-Бальдови
«Крестьянка встретила крестьян-
ку...» 188
Эпитафии 189

Никомедес Пастор Диас
«Жизнь, эту лучшую из книг...» . . . 191

Мигель Агустин Принсипе-и-Видауд

«Когда не знал, что делать да- ле...»	192
«Хотя в сотрудниках журнала...» .	193
О стороже и чужой собаке . . .	194
«Дон Хусто пожирал гранат...» . .	195

Антонио Рибот-и-Фонтсере

«С голодным встретившись вра- чом...»	196
Разговор трех друзей	199

Рамон Руа Фигероа

«Шепнул художнику собрат...» . .	200
----------------------------------	-----

Хуан Мартинес Вильергас

«Она с ребенком шла... Когда ж...»	201
«Хоть Хиль разносторонне ода- рен...»	202

Рамон де Кампоамор-и-Кампоосорио

«Ты думал, что умрешь от страсти пылкой...»	203
«Любил я эту деву прошлым ле- том...»	204

«Соперников сражая наповал...» .	205
«Опять с любимой у меня разлад...»	206
«Жизнь — это вечно разинутый рот...»	207

Вентура Руис Агилера

«Однажды в ночь на воскресенье...»	208
«Есть где-то остров Простофиль...»	209

Виктор Балагер

«Не ставь при жизни памятник герою...»	210
--	-----

Ремихио Каула

«Моряк Эрнесто обещал по чести...»	211
--	-----

Мануэль дель Паласио

«У кого в пятнадцать лет...» . . .	212
«Ты предо мной явилась, ангел мой...»	213

Хасинто Лабайла-и-Гонсалес

Эпитафия 214

Карлос Фронтаура-и-Васкес

«Жил-был парень, вечно беден,
одинок...» 215

Эусебио Бласко

«Жена судье Сирило сообщила...» 216

Хоакин Мария Бартрина-и-де-Айхемус

«Узнать, откуда родом иностранец...» 217
О способах разбогатеть 218

Либорио Порсет

«Нет, ценить мы не умеем...» . . . 221
Эпитафия 222

Антонио Мачадо-и-Руис

«Путившись в море, каждый знает...» 223
«Мне снилось: я слышу бога...» . . . 224

«Ты не путай, приятель мой...» . .	225
«Мой стариковский вам совет та- ков...»	226

**АНОНИМНЫЕ ЭПИГРАММЫ
XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА**

«Ана просила всесильного бога...»	229
«Разведясь с женой, Хиль Триа- дом...»	230
«Вступи-ка по расчету в брак...»	231
На перезрелую невесту с капита- лом	232
«Кто эта дама? Я в сомненье...» .	233
«О возрасте Констансы говорят...»	234
«Ты красива, лгать не буду...» . .	235
«Тебя, безумную девчонку...» . .	236
«На Эстеллу статную взирая...» . .	237
«Я опять,— вскричала Камила...»	238
«Вчера — с нами крестная си- ла...»	239
«Врач объявил: «Сомнений нет...»	240
«Скупец (наслал же черт трахо- му...»	243
«Еда не во вред,— утверждает Хуан...»	244
«Пришел дон Педро к прачке за рубашкой...»	245
«Штаны дырявые даря...»	246

«Скупой Томас (стряслось такое чудо)...»	247
«Алькальд оповестил народ...» . .	248
«Скупец, протянувший от голода ноги...»	249
«Слугу искал себе барон...» . . .	250
«У нас, как в магазине...»	251
«В церковь пойти я хочу...» . . .	252
Эпитафия	253
«Как эта пьеса?» — «Пьеса ничего...»	254
«Мой критик, надоевший всем глупец...»	255
«Сатира критике под статью...» . .	256
Комментарии	259

**ИСПАНСКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ
ЭПИГРАММА**

Редактор

С. Шмидт

Художественный редактор

Д. Ермоленко

Технический редактор

Л. Платонова

Корректор

Г. Асланянц

И(Исп)
И88

*

Сдано в набор 24/XII 1969 г. Под-
писано к печати 4/IX 1970 г.
Бумага офсетная. Формат
84 × 108¹/₆₄. 4,875 печ. л. 8,19 усл.
печ. л. 3,999 уч.-изд. л. Заказ 1343.
Тираж 25 000 экз.
Цена 1 р. 50 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

Ордена Ленина типография
«Красный пролетарий»
Москва, Краснопролетарская, 16

*

7-4-4
178-68

